

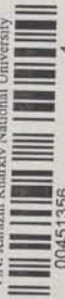
648220

ÉTUDES
PHONOLOGIQUES

I

0-10.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00451356

4

П.
П.
Ив
Э.
К.
П.

Г.
В.
П.
В.
Б.
Я.
Р.
Р.
Р.

40.512
PK-6

В течение июня 1931 г. выходит в свет сборник

„ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ“

Содержание:

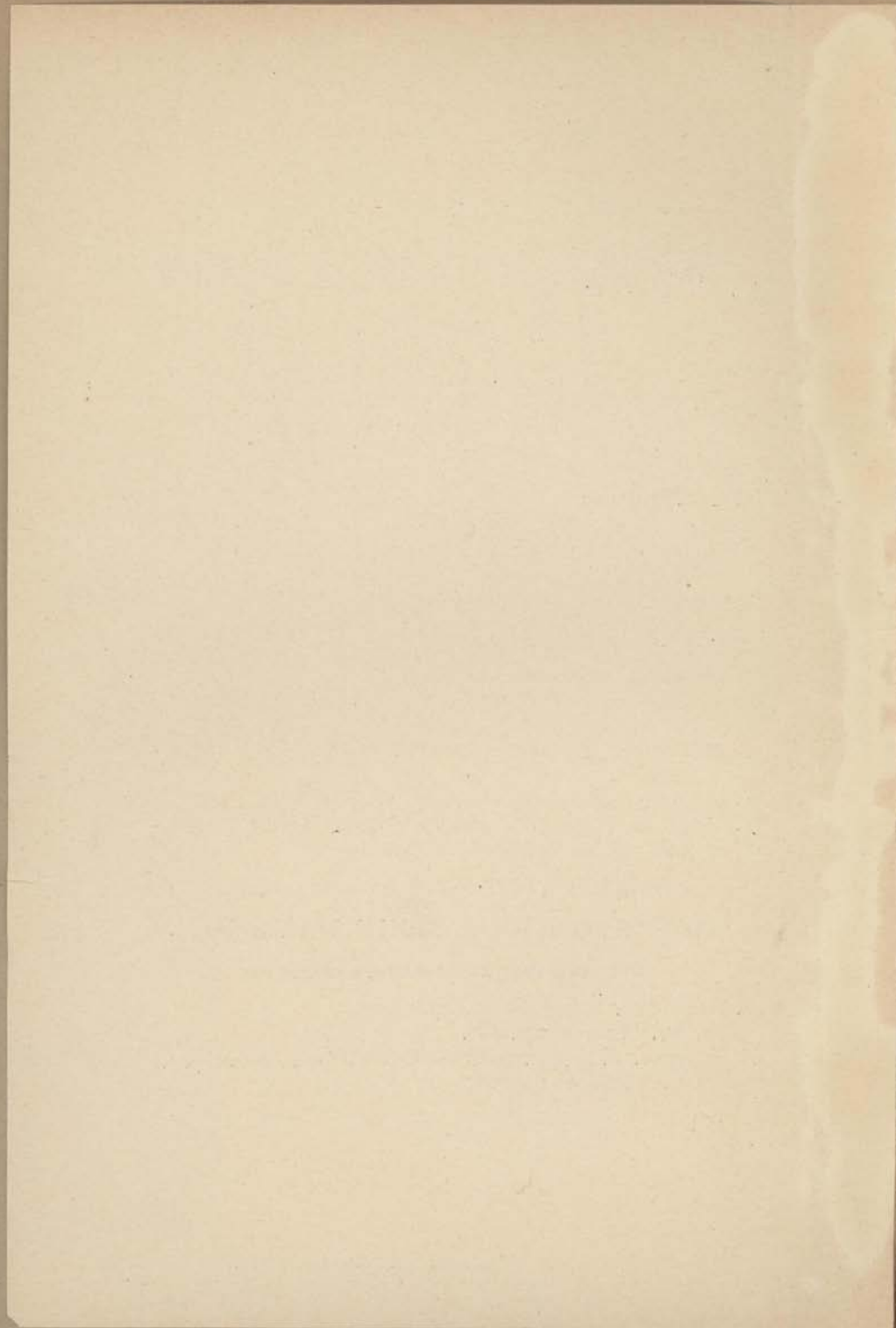
- П. Н. Савицкий*: Poleмика вокруг евразийства в 1920-х годах,
П. В. Логовиков: Научные задачи евразийства,
Иван Савельев: Своеобычное в русской фольклористике,
Э. Д. Хара-Даван: О кочевом быте,
К. А. Чхеидзе: Из области русской геополитики,
П. Н. Савицкий: Главы из «очерка географии России» (I. Черты грандиозного в русской природе. II. История образования территории русского государства. III. Отношение России к морю. IV. Русская геополитическая таблица),
Г. В. Вернадский: Заметки о Ленине,
В. Н. Ильин: Эйдократическое преобразование науки,
П. В. Логовиков: Власть организационной идеи,
В. Н. Ильин: Под знаком диалектики,
Борис Чухнин: Время, культура и тело (к познанию культурных задач современности),
Я. А. Бромберг: Еврейское восточничество в прошлом и будущем,
Н. Н. Алексеев: Очередные задачи правоведения,
Н. Н. Алексеев: К вопросу об объективном праве,
Н. А. Дунаев: Виды правомочий, и др.

Около ЧЕТЫРЕХСОТ страниц текста.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ.

Вышли в свет отдельными изданиями:

- П. Н. Савицкий*: В борьбе за евразийство
Стр. 54. Цена 30 центов.
Р. О. Якобсон: К характеристике евразийского языкового союза
Стр. 60. Цена 45 центов.

ВАЖНЕЙШИЕ ОПЕЧАТКИ:

<i>страниц.</i>	<i>строка</i>	<i>напечатано</i>	<i>должно быть</i>
21	14 снизу	переднеязычных	среднеязычных
29	14 снизу	литературно-	западно-
49	19 сверху	(повто)ряет	(повто)ряют
59	2 снизу	в,	h,

Прим.: латин. h (нога).

Р. О. ЯКОБСОН

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ
ЕВРАЗИЙСКОГО
ЯЗЫКОВОГО
СОЮЗА

1931

611

Оглавление

	глава	стр.
1.	Языковой союз	3
2.	Проблема евразийского языкового союза в современной науке	5
3.	Азбука фонологии и проблема фонологической географии	8
4.	Монотония языков Евразии и сопредельные политонические языковые союзы	14
5.	Тембровые различия согласных в языках Евразии и сопредельных областей	17
6.	Сводная фонологическая характеристика евразийского языкового союза	38
7.	Из истории евразийского языкового союза	40
8.	Мягкость согласных в европейской науке и письме	46
9.	Очередные задачи евразийского языкознания	49
10.	Указатель упоминаемых и цитируемых работ	53

Центральный Научная
Библиотека при ХДУ
Инв. № 648220

I.

ЯЗЫКОВЫЙ СОЮЗ. — Вь нынешней иерархии ценностей вопрос *куда* котируется выше вопроса *откуда*. Взамен генетических показателей самоопределение становится признаком народности, идею касты сменила идея класса, и в общественной жизни, и в научных построениях общность происхождения отступает на задний план по сравнению с общностью функций, ступшевывается перед единством целеустремленности. *Цель*, эта золушка идеологии недавнего прошлого, постепенно и повсеместно реабилитируется.

В науке о языке сравнительный метод еще недавно применялся почти исключительно во имя выяснения общего исторического фонда родственных языков. Когда мы прибегаем к сравнительному методу теперь, то нас, рядом с предком-праязыком, интересует самостоятельное бытие отпрысков, — характерные тенденции их развития. Как сопоставление расхождений в жизненном пути обособившихся языков, так и обследование сходных форм эволюции — т. н. *конвергенций* — равно бросают свет на целестремительность языковых видоизменений. Но конвергентная эволюция языков родственных — лишь частный случай. В круг очередных лингвистических проблем вовлекается вопрос о схожих чертах в эволюции смежных языков разного происхождения. Все отчетливее обнаруживается, что и при совершенно разнородных исходных точках возможна значительная общность путей развития: разными средствами из несхожего материала создаются однотипные построения. Возле традиционного понятия *единородных* языков проясняется понятие языков *единоустремленных*.

Гаагский международный съезд языковедов (1928) одобрил следующее предложение Н. С. Трубецкого:

— Мы называем языковой группой каждый комплекс языков, которые совместно связаны значительным числом систематических соответствий. Следует размежевать два типа языковых групп — с одной стороны языковые союзы, с другой — языковые семейства. Надо строжайшим образом различать эти понятия (см. Actes).

Впервые они разграничены Трубецким в статье «Вавилонская башня и смешение языков»(а). Иллюстрацией ему служит болгарский язык, который с одной стороны принадлежит — совместно с сербо-хорватским, русским, польским и пр. — к славянскому языковому семейству, с другой стороны — совместно с новогреческим, албанским и румынским — к балканскому языковому союзу. Языковые семейства характеризуются унаследованной общностью словарного и грамматического реквизита и звуковыми соответствиями в этом реквизите, указующими на единый источник и позволяющими восстановить общие праформы. Признак языкового союза — благоприобретенные сходства в структуре двух или нескольких смежных языков, ровнобежные преобразования самостоятельных языковых систем.

Государственные союзы различаются по содержанию и емкости, например, существуют союзы политические, экономические, военные; военные союзы в свою очередь различаются характером и размерами обязательств (союзы наступательные и оборонительные, против одного или любого «нарушителя мира»). Одно и то же государство может быть одновременно связано с различными контр-агентами разнородными и разноколичественными союзными отношениями. — В языке соотнесено несколько систем; звуковой строй, репертуар словесных форм (морфология), репертуар форм словосочетаний (синтаксис), словарь, фразеология, — все это замкнутые системы, различные планы единого языка; язык — система систем. Подобно государственным союзам существуют однопланые и многопланые языковые союзы, в пределах одного языкового плана возможны различные степени структуральной близости, и в отношении различных планов и признаков один и тот же язык может принадлежать разным союзам (концентрическим или просто пересекающимся). Если для вышеупомянутого балканского языкового союза особенно типичны сходства в области морфологической системы, т. е. системы словесных форм¹⁾, то для языков романо-германского Запада пожалуй еще более характерно сходство синтаксического строя. Немецкий лингвист Вальтер Порциг считает даже возможным рассматривать эти языки в синтаксическом разрезе как отдельные диалекты единого языка — *Sprache des Abendlandes*. Написать синтаксис этого «языка Запада» — такова, по его мнению, одна из злободневнейших и благодарнейших задач индоевропейского языкознания (150).

1) Но, наряду с морфологическим сходством, между языками балканского союза есть общие черты и в области синтаксиса, словарных значений и звукового строя (см. Селищев а).

ПРОБЛЕМА ЕВРАЗИЙСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ. — Евразия характеризуется совокупностью специфических признаков — почвенных, растительных и климатических, это типичный «несколькопризнаковый» район, особый географический мир, своеобразный и целостный. Таковы выводы русской географической науки последних десятилетий, синтетически заостренные в работах П. Н. Савицкого.

С каждым годом все нагляднее обнаруживается (ибо в эту сторону направлено ныне острие научных изысканий) соотносительность, тесная закономерная связь между явлениями различных сфер. Связанность явлений не следует мыслить в форме буквального совпадения их границ, обычно межевые линии сопряженных признаков группируются в пучки. Явления могут быть сопряжены хронологически либо территориально. Как в том, так и в другом случае факт соотносительности нескольких сфер не ограничивает самостоятельности каждой из них. Напротив, этой соотносительности не найти без предварительного имманентного рассмотрения отдельной сферы. Это необходимая предпосылка. Подлежит изучению каждая сфера в структуральном многообразии ее конкретных проявлений, — историческое многообразие в свете закономерности самодвижения, территориальное многообразие в свете зональной закономерности. Многообразие одной сферы не может быть механически выведено из многообразия некоей другой, здесь нет однозначного соотношения надстроек и базы. Задача науки — уловить сопряженность разнопланых явлений, вскрыть и в этой междупланной связанности закономерный строй. Назовем этот путь исследования *методом увязки*, возводя в научный термин цепкое словечко нынешнего русского лексикона. Одно из проявлений этого метода — понятие *месторазвития*, сливающее в единое целое социально-историческую среду и ее территорию (термин и определение Савицкого, а гл. IV).

Отличается ли и в каких отношениях человеческое общество евразийского географического мира от соответствующих обществ других и в первую очередь соседних миров — европейского и азиатского? Хозяйственная география, в согласии с показаниями физической географии, констатирует целостность евразийского мира. Исторические судьбы Евразии подтверждают ее неразрывное единство. Изучение расового коэффициента крови выясняет существенное антропологическое отличие народов Евразии от европейцев и азиатов. Наконец, этнология, преодолевая свою многолетнюю опасную за-

висимость от родословной таблицы языков, устанавливает отличительные признаки евразийского культурного круга (ср. Трубецкой *б* и Зеленин).

В статье «О туранском элементе в русской культуре» Трубецкой убедительно показал с одной стороны — тесную связь между структурой русского и туранского духовного мира, с другой — тесную связь между структурой туранского духовного мира и туранских языков (*б*, 34-53). ²⁾ Из этих двух сближений с логической необходимостью вытекает новая научная проблема, и А. Мейе, одобрительно рецензируя статью Трубецкого, отчетливо формулирует эту задачу: подлежит выяснению внутренняя связь между строем русского и туранских языков. Иными словами, встает вопрос о структуральной общности языков Евразии.

Савицкий (*в*) первый сопоставил диалектическое членение русского языкового мира с данными физической географии, его опыт обнаружил необычайный параллелизм между существенными климатическими изолиниями Доуралья и важнейшими русскими изоглоссами (т. е. границами тех диалектических явлений, которые как наиболее плодотворные признаки положены в основу классификации русских говоров). То неожиданное обстоятельство, что русская диалектологическая карта воспроизводит характерные черты зонального сложения евразийского географического мира, побуждает расширить рамки исследования, подвергнуть, наряду с русским языковым массивом, все пестрое многообразие языков Евразии очной ставке с показаниями общей географии. И снова основной, исходный вопрос: есть ли единство в этом смущающем европейца многоязычии? что это — случайное сборище, хаотический сброд — или закономерное сочетание, гармонический союз?

Если этот вопрос ставится в науке так поздно, этому виной — (оставляем в стороне обще-философские предпосылки) — преобладание генетических интересов над функциональной проблематикой, приковывавшее внимание большинства лингвистов к отдельным языковым семействам. Русист изучал русский язык только в контексте славянских языков, но отнюдь не в контексте языков России. Оставались в тени проблемы конвергентного развития и многообразного взаимодействия

2) К числу туранских, или уралоалтайских, языков принадлежит уральское языковое семейство (финноугорская ветвь и самоедская) и алтайское семейство (тюркочувашская ветвь, монгольская и маньчжуротунгусская). Что связывало уральские языки с алтайскими — семейственные или союзные узы, до сих пор еще наукой не вполне выяснено.

языков России, т. е. именно тот круг вопросов, который призван вести языковедение в круг синтетических руссиеведческих дисциплин.

Несмотря на многовековые узы теснейшего сожительства между восточно-славянскими и финноугорскими языками, до недавнего времени, как правильно отмечает А. Л. Погодин, «в русской науке мало было понимания того значения, которое имеет для нас финноугорское языковедение». Эпизодическому, неорганизованному характеру русского дореволюционного обследования финноугорских языков Погодин противопоставляет немалые успехи нового времени: «непрерывное и несомненное движение в Сов. России, увлекающее в свой оборот множество новых вопросов и новых материалов и привлекающее в свои ряды много новых ученых сил, которые прежде оставались вне ученого общения, вот это есть нечто положительное». Приблизительно схоже обстояло и обстоит дело также с прочими нерусскими языками России.

В частности характерны для современной российской лингвистики разнообразные сопоставления русского языка с географически смежными языками иного происхождения. Если раньше это сопоставление сводилось почти исключительно к вопросу о словарных заимствованиях, то теперь круг проблем ширится. Изучаются изменения, которым подвергается русский язык в инородческом применении: работы А. С. Селищева о русском языке у национальных меньшинств Поволжья (в, г), материалы А. П. Георгиевского о «метисации языков Дальневосточного края», замечания Е. Д. Поливанова о приспособлении русского языка к языковым навыкам меньшинств и проч. Исследуются взаимовлияния соседящих языков не только в области словаря, но и в области звукового и грамматического строя. Такова, напр., работа В. Н. Баушева, характеризующая русское воздействие на вотяцкий литературный синтаксис, или соображения Селищева об инородческих влияниях на фонетику русских сибирских говоров (б). Уже и раньше нередко ставился вопрос о финском влиянии на звуковой состав северно-великорусского наречия, но только теперь — в работе Трубецкого о распаде общерусского языкового единства (анализ т. н. цоканья) — это влияние доподлинно вскрыто (е, 293). Но влияние — только одна сторона проблемы, это только простейший продукт языкового сожительства. Есть случаи, когда трудно решить, что перед нами — заимствование или только результат конвергентного развития. Заимствование и конвергенция, как я уже писал однажды, не исключают друг друга и не могут категорически противопоставляться. Важен не факт заимствования — сам по себе, а его функция с точки зрения заимствующей языковой системы; существенно, что именно на

данное новшество есть спрос, что оно санкционируется системой, соответствуя возможностям и нуждам ее эволюции (б 96-98). Заимствование большей частью лишь особый случай конвергенции. Основная проблема при сопоставлении смежных языков это проблема их конвергентного развития. Применительно к языкам Евразии новым шагом в этом направлении являются тезисы Д. В. Бубриха (б). Сочетая в себе слависта и финнолога, исследователь подчеркивает факт близости между великорусской и мордовской фонологическими системами ³⁾ и указывает, что эта близость не может быть сведена к одностороннему воздействию. Такие частные сопоставления готовят решение вопроса о признаках, общих всем языкам Евразии.

Д. К. Зеленин в содержательнейшем труде о связанном с верованиями запрете (табу) слов у народов Евразии обнаружил «сравнительное единообразие словесных запретов у разноплеменных народов Евразии». «Вотнoшeниe табу слов у них больше общего, нежели отличного». Функциональные особенности запретов в языках евразийских народов настолько своеобразны, что научные концепции, построенные на изучении внеевразийских словесных табу, неприменимы к евразийскому материалу. «В своем объяснении психологии и генетики словесных табу мы лишь отчасти могли примкнуть к теории Дж. Фрезера, а гораздо чаще мы принуждены расходиться с ним. И это обстоятельство мы склонны объяснять не чем иным, как именно отличием евразийского культурного цикла от культуры иных стран мира, на почве которых создана теория Фрезера» (4). Зеленин характеризует роль запретного слова в мифологии народов Евразии, представления об отношении между именем и его носителем, функцию подставных слов и тайных языков, отношение между словесными запретами и производством. Иначе говоря, он устанавливает общеевразийские черты отношения говорящих к слову. Там, где есть общность оценки слова, единство культуры языка, естественно предположить и наличие совпадений в языковой структуре непосредственно.

3.

АЗБУКА ФОНОЛОГИИ И ПРОБЛЕМА ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ. — Поскольку из всех языковых планов к настоящему времени наиболее охвачен наукой звуко-

3) Фонологическая система — инвентарь таких звуковых различий, с которыми в данном языке может связываться различие значений.

вой строй, постольку именно в этой плоскости расследование сходств между соседящими языками может быть особенно плодотворно. Разумеется, необходима большая методологическая осторожность.

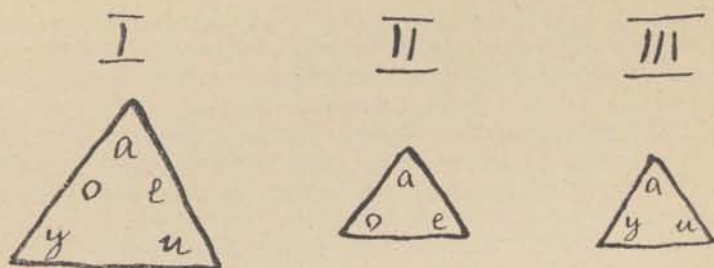
Не все сходства равноценны, есть различные типы сходств. Два языка могут пользоваться сходным звуковым материалом, но роль этого материала в обоих языках может быть различна. В одном языке различие двух звуков может служить различению словесных значений или, иными словами, является различием *фонологическим*. В этом случае языковедение говорит о двух *фонемах*.⁴⁾ В другом языке имеются оба эти звука, но они неспособны стоять в одном и том же положении, и выбор одного из двух обуславливается звуковым окружением. В таком случае мы говорим о двух комбинаторных вариантах единой фонемы. Примеры: русские *и* и *у*—две разные фонемы (ср. *Игорь* — *угорь*), а в кабардинском это два комбинаторных варианта одной фонемы, которая после одних согласных реализуется в виде *и*, после других — в виде *у*. В русском языке фонема *е* реализуется перед мягкими согласными в виде *е* закрытого, т. е. производимого с более высоким поднятием языка (*эти*), а перед твердыми согласными в виде *е* открытого, т. е. производимого с менее высоким поднятием языка (*этом*).⁵⁾ Здесь *е* закрытое и *е* открытое — два комбинаторных варианта одной фонемы, а напр. во французском или в итальянском оба эти звука могут фигурировать в одном положении, они способны к словоразличению, это две отдельные фонемы. Ср. французские слова *dé* (наперсток), *lé* (полотнище) с *е* закрытым и *dais* (балдахин), *lait* (молоко) с *е* открытым. Сопоставляя звуковой состав двух языков, необходимо считаться с тем, тождественны ли внешне схожие звуки двух языков и по своей функции.

Но и этого учета недостаточно. Малоплодотворным было бы сопоставление разрозненных фонем двух языков. Нельзя представлять себе фонологический инвентарь языка в виде механической суммы фонем. Фонемы находятся между собою в определенных отношениях, они образуют систему. Нередко фонема одного языка сама по себе одинакова с фонемой другого языка, но различно место, занимаемое каждой из этих фонем

4) Фонемами называются члены фонологических противопоставлений, неразложимые на более дробные фонологические противопоставления. Упрощеннейшее определение фонемы: звук, способный в данном языке дифференцировать словесные значения.

5) Понятия *мягкость* и *твердость согласных* объяснены в гл. 5.

в соответствующей фонологической системе. Для примера сопоставим системы гласных фонем, принадлежащие трем различным языкам:

И в первой и во второй системе имеют место фонемы *о* и *е*, но положение их в системе различно. В языке II это угловые фонемы треугольника: *о* — акустически самый низкий, *е* — самый высокий гласный системы; в языке I гласные *о* и *е* — фонемы «среднего яруса», тогда как роль акустически низшей угловой фонемы играет *у*, роль высшей — *и*. К гласным *о* и *е* языка II по функции в системе ближе в языке I гласные *у* и *и*, нежели внешне тождественные фонемы *о* и *е*. Ближайшей же параллелью к системе II является система III. Обе эти трехфонемные системы фонологически тождественны; только в системе II низшая фонема реализована в виде *о*, в системе III — в виде *у*, и соответственно высшая фонема реализована в одном случае как *е*, в другом как *и*. Сопоставляя звуковой строй двух языков, необходимо учитывать не только отношение звуков к фонологической системе, т. е. к системе значимых звуковых различий, но и отношения фонем внутри этой системы. Прежде всего, существенно выделить характерную разновидность междуфонемных отношений — т. н. *корреляции*. Две фонемы обладают общими акустическими свойствами и одним дифференциальным свойством: одна из двух фонем наделена известным акустическим признаком, другая, напротив, лишена этого признака; то же свойство дифференцирует еще несколько пар фонем в той же системе. В силу такой повторности отношения дифференциальное свойство как бы выносится за скобку, оно абстрагируется языковым мышлением от отдельных пар фонем, может мыслиться независимо от них; с другой стороны абстрагируются и общие свойства каждой пары, этот субстрат в свою очередь является реальной единицей в фонологической системе. Несколько примеров фонологических корреляций:

— Количественная корреляция гласных. Во многих язы-

ках, например, в чешском, мадырском, латинском, сербском, древне-греческом, взаимно противопоставлены долгота гласных и отсутствие долготы, т. е. краткость гласных. Например, в сербском противопоставлены \bar{a} (а долгое) и a , \bar{o} и o , \bar{e} и e , \bar{u} и u , \bar{i} и i . Количественные различия гласных способны в этих языках дифференцировать значения слов. Ср. напр. чешские слова: *мили* (мыли) — *милѝ* (милые) — *мѝли* (милю) — *мѝлѝ* (милею). Различие гласных по долготе и краткости существует в языковом мышлении независимо от конкретных пар гласных, осуществляющих количественную корреляцию. Характерная иллюстрация — количественное (или метрическое) стихосложение, основанное на чередовании долготы и краткости. Наконец, в фонологических системах этих языков существуют независимые от количественных различий идеи гласных как таковых, например идея a безотносительно к долготе и краткости. Отчетливый показатель — возможность в этих языках рифм, сопоставляющих долгие гласные с краткими.

— Динамическая (силовая) корреляция: силовое ударение — безударность. Пример — русские пары: \grave{a} — a безударное, \grave{y} — y безударное, \grave{i} — i безударное. Способность к дифференциации словесных значений: *руки* — *рукѝ*, *мука* — *мукѝ*, *замки* — *замкѝ*, *плачу* — *плачѝ*, *попадать* — *попадѝть*, *падаю* — *падаѝю*, *палите* — *палѝте* — *полетѝ* (или то же в последовательно фонологическом правописании: *пѝлити* — *палѝти* — *палитѝ*).

Каждый язык содержит небольшую серию корреляций, и эти корреляции в значительной степени определяют его фонологический склад. Русская фонологическая система включает в себе, во-первых — динамическую корреляцию, которая несовместима с количественной корреляцией гласных, во-вторых — две корреляции согласных: тембровую (мягкость — твердость согласных), о которой подробнее трактует глава 5, и звонкостную. Дифференциальное свойство последней корреляции: наличие — отсутствие голосового тона при производстве согласных (звонкость — глухость согласных). Звонкостная корреляция согласных как средство словоразличения: *да* — *та*, *жар* — *шар*, *бю* — *ню*.

В польском те же две корреляции согласных, что и в русском, но корреляций гласных нет. Чешский язык обладает звонкостной корреляцией согласных и количественной корреляцией гласных. Чешское ударение приковано к первому слогу слова, польское к предпоследнему. Таким образом в этих языках, в противоположность русскому, место ударения внешне обусловлено и не может служить различению значений слов. Следовательно, фонология слова здесь не знает динамической

корреляции (см. Якобсон *а* 26 и сл., Бодуэн де Куртена *а* § 27). Фонологическая система сербо-хорватского штокавского наречия содержит, наряду с звонкостной корреляцией согласных, две корреляции гласных: мелодическую и количественную. Дифференциальное свойство мелодической корреляции — различие в направлении движения высоты голосового тона: взаимно противопоставлены два типа мелодий. В штокавщине гласным с восходящей интонацией противопоставлены гласные без таковой. Наиболее четкая реализация контраста: восходящая — нисходящая интонация гласных. В языке с мелодической корреляцией два слова могут звучать совершенно одинаково и различаться только тем, что в первом одна, в другом противоположная мелодия гласного.⁶⁾ Несколько примеров из словаря Вука Караджича:

С восходящим ударением
на I-ом слоге.

села = род. ед. - села
басма = тисненное полотно
сјеница = синица
бацати = метать
лӯка = лук

С нисходящим ударением
на I-ом слоге.

села = им. мн. - села
басма = заклинание
сјеница = беседка
бацати = колоть
Лӯка = Лука

В штокавской фонологии слова нет корреляции «ударение — безударность». Место ударения здесь внешне обусловлено, подобно тому как в чешском и польском. Ударение в штокавщине падает на слог с восходящей интонацией, а если такового в слове нет, то на первый слог слова.

Как с наличием мелодической корреляции (т. н. *политонией*), так обратно и с ее отсутствием (*монотонией*) сопряжен целый ряд особенностей фонологической структуры языка. Напр. в политоническом языке непременно наличие количественная корреляция гласных, а в монотоническом языке количественная корреляция гласных несовместима с корреляцией «ударение — безударность». Словом, политония (и соответственно монотония) отчетливо определяет характер фонологической системы.

6) Сербский языковед Рад. Кошутич указывает, что и в русском языке есть две различные слоговые интонации, которые на слух соответствуют сербским: в русских открытых (кончающихся гласным) слогах обычно имеет место восходящее ударение — *иду*, а в закрытых (оканчивающихся согласным) нисходящее — *идут* (гл. 2.) Итак, в русском гласный под восходящим ударением и тот же гласный под нисходящим ударением — комбинаторные варианты одной фонемы, тогда как в сербском это две коррелятивные фонемы.

Если принципы описания фонологической системы можно считать в настоящее время в основных чертах разработанными, то конкретных описаний фонологических систем различных языков еще очень мало. Традиционные описания звукового состава различных языков большей частью для фонологической интерпретации малопригодны, в каждом отдельном случае нужна основательная переработка материала под новым углом зрения. А пока нет надлежащих описаний, не может быть осуществлена актуальная лингвистическая задача — картографирование фонологических явлений, фонологическое районирование мира. Тормозится развитие *фонологической географии* — новой научной дисциплины с большим будущим.

Но уже сейчас, — уже на основании тех отрывочных материалов, которыми располагает сравнительная фонология, — можно сказать, что для основных принципов фонологической структуры, в частности, для различных корреляций, нехарактерно обособленное бытие, ограниченное пределами языка или языкового семейства. Типичней фонологические языковые союзы, изофоны (границы фонологических явлений) широкого захвата, нежели фонологические островки. Занесение отдельных корреляций на географическую карту сулит картину преобладания емких зон, захлестывающих границы единичных языков, над «мозаично-дробным» сложением, над чересполосицей корреляций. Я пытался на основании фонологических корреляций зонировать современный славянский языковый мир, отмечая попутно сопринадлежность языков иного происхождения к тем же зонам (б 79, 109). Характерна, например, близость ново-греческой фонологии к болгарской (силовая корреляция и пр.), мадарской к чехословацкой (количественная корреляция, начальное силовое ударение, сходство в составе согласных фонем и пр.). Работа по выяснению зон корреляций обещает быть особенно плодотворной.⁷⁾

7) Начатки фонологической географии можно усмотреть в увлекательной книге патера В. Шмидта «Языковые семейства и языковые круги земли». Впрочем, фонологические критерии играют для автора при лингвистическом районировании земного шара лишь второстепенную, подсобную роль по сравнению с грамматическими (морфологическими и синтаксическими) признаками. Но поскольку Шмидт характеризует географическое распространение звуковых явлений, он стремится отмежевать фонологические факты от внефонологических — фонемы от комбинаторных вариантов (ср. его замечания на стр. 274, 282). Это несомненный актив работы. Шмидт не только регистрирует разнотипные языковые структуры и их распространение, он сопоставляет зоны языковых явлений с культурными зонами. Будучи решительным противником эволюционизма, автор все-таки не устоял против изначального греха эволюционизма: европейский эгоцентризм остается основным стержнем его работы. Устанавливается

Факт распространенности фонологических союзов должен быть со всеми последствиями учтен лингвистикой. В противном случае, между прочим, очень легко — при обследовании смежных языков с малоизвестной историей — принять признак фонологического союза за генетический симптом и предполагать языковое семейство. Это при систематизации разных экзотических языков неоднократно делалось. Экзотическая, непривычная с точки зрения европейских языковых навыков фонологическая особенность, будучи отмечена в ряде соседних языков, принималась за признак общего происхождения.

4.

МОНОТОНΙΑ ЯЗЫКОВ ЕВРАЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ПОЛИТОНИЧЕСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СОЮЗЫ. — Характерный пример зональности фонологических корреляций — географическое распространение политонии⁸⁾. Наибольшим по раз-

лестница этнологических культурных кругов: *Urkulturen, fortgeschrittene Kulturen, weiter fortgeschrittene Kulturen, Hochkulturen*. Соответственно расценены языковые, в частности фонологические явления. Не учтено, что отсутствие тех или иных фонологических различий, тех или иных типов фонемосочетаний компенсируется в языке наличием других фонологических различий, других способов группировки фонем. Вместо того, чтобы увязать отсутствие той или иной корреляции с положительными структуральными особенностями той же языковой системы, Шмидт объясняет его бедностью данной культуры (напр. 530). Напротив, наличие фонологического факта, особенно факта, присущего языкам Европы, оказывается признаком высокого культурного уровня. Характеризуя инвентарь гласных в индоевропейских языках, автор пишет: «Есть нечто особенно утонченное и глубокое в том, что в этом языковом круге как раз гласные, эти наиболее легкие и текущие элементы языка, особенно пригодные для выражения формальных отношений, могут быть в повышенной степени привлечены к такой роли» (540, ср. также 533, 537). При таком понимании многообразия направлений языкового развития подменяется различием в уровне развития. Понятие «языковой круг», казалось бы, приближается к понятию «языковой союз», но поскольку недостаточно принято во внимание явление разнонаправленности (дивергенции) и соответственно единонаправленности (конвергенции) в развитии языков, постольку «круг» становится, наряду с «семейством», генетическим понятием, это понятие оказывается приложимо только к языкам наиболее первобытных культур (ср. 521), и признаки круга истолковываются как своего рода палеонтологические показания. В связи с этим автор, выясняя географическое распространение признака, не останавливается перед смешением различных временных планов и ставит, например, на одну доску фонологические особенности древне-греческого, готского, старославянского языка и особенности современных балтийских, кавказских, африканских языков (291 и сл).

8) Если движение высоты голосового тона принимает в языке

мерам языковым союзом, объединенным политонией, является тихоокеанский комплекс языков различного происхождения. В этот союз входит тибето-китайская группа языков (китайский, тибетский, бирманский, сиамский и др.), аннамская и малайская группы, японский и аинский. Значительные языковые союзы, характеризующиеся политонией, находим также в Центральной Африке и в Америке.

Наконец, языки балтийского побережья тоже составляют политонический языковой союз. Он уступает размером выше-названным политоническим союзам, значительно ниже и степень использования политонии, тем не менее очень характерно, что целый ряд прибалтийских языков различного происхождения отличается применением политонии. Таковы шведский, норвежский, большая часть датских говоров, некоторые немецкие прибалтийские говоры, северо-кашубское наречие, литовский и латышский,⁹⁾ а также ливский и эстонский язык (ср. Якобсон б 60). Примеры словоразличительной роли мелодической корреляции в языках Прибалтики:¹⁰⁾

		На 1-ом слоге восходящее ударение	На 1-ом слоге нисходящее ударение
шведский	geftet	гѣд	супружество
"	gegel	правило	задвижка
норвежский	kokken	ковар	ковариха
датский	trukkes	жмет	негатив
св.-нем.	brüt	варит	невеста
св.-каш.	šóijka	ползу	ползалец
литовский	sudėti	судить	солить
"	dviēt	двум	двум
латышский	seji	я сеял	я связывал
эстонский	kaevi	в колоде	колодеца

различные направления, и противопоставление этих направлений способно дифференцировать значения слов, то мы, повторяю, называем такой язык политоническим. К разряду политонических относятся и те языки, в которых фонологически различаемые мелодии ограничиваются пределами слога (т. н. музыкальное слогуударение), и те, где взаимно противопоставлены мелодии целых слов — без точной слоговой локализации (музыкальное словоударение). В этих языках фонологическое слогуударение — частный случай, оно здесь имеет место только в односложных словах (ср. Поливанов а §33).

9) Политоничен был и третий отпрыск той же семьи — прусский язык, вымерший в XVIII в. (см. напр. Фортунатов).

10) Источники примеров: для шведского и норвежского —

Во всех прибалтийских языках, кроме литовско-латышской семьи, мелодическая корреляция — новообразование. Так, вне Прибалтики, в германских языках нет политонии, она незнакома даже ближайшим сородичам норвежского — исландскому и диалекту Феррерских островов, политония склонна к исчезновению уже в северо-западных норвежских говорах. Не знают ее ни южно-кашубское наречие, ни ближайший родственник кашубского — польский язык, ни сородичи эстонского — прочие финские языки.

Следует оговорить, что к разряду политонических языков мы относим не только языки, наделенные мелодической корреляцией в собственном смысле слова, но и языки с корреляцией «гласные, прерванные в середине или в конце гортанной смычки» — гласные без гортанной смычки». Эта «прерывная» корреляция может рассматриваться как модификация мелодической. Прерывная корреляция, присущая также части языков тихоокеанского политонического союза, распространена на юго-западном и на юго-восточном побережье Балтийского моря. Датские говоры восточного Шлезвига и соседних островов характеризуются мелодической корреляцией, прочие датские говоры, за немногими исключениями, наделены прерывной корреляцией (см. Кок 28 и сл.), а некоторые из них, повидимому, совмещают обе корреляции — мелодическую и прерывную (см. Экблом 16-17, 20-21). Прерывная корреляция присуща, далее, северо-западным литовским говорам (см. Геруллис XLVI и сл.) и латышскому языку, при чем в одних говорах рядом с ней бытует мелодическая корреляция, в других она отсутствует (см. Эндзелин *а*). Наконец, обладает прерывной корреляцией, при отсутствии мелодической, ливский язык — член финского семейства, вкрапленный в латышскую среду (см. Кеттунен §§ 6-8)*).

Языкам Евразии решительно чужда политония во всех

Кок 7, 23, для датского — Экблом 17, для сев.-немецкого — Лескин 11, для сев.-кашубского — Лоренц *в* 147 (ср. *б* 90), для литовского — Куршат 60, для латышского — Эндзелин *а* 57 и для эстонского — Поливанов *а* 202.

Корр. прим.

*) К балтийскому политоническому союзу примыкают на юге и на севере языки с особой корреляцией: здесь для дифференциации словесных значений использованы различные способы членения слогов. В статье о фонологических системах (печатается в IV вып. Трудов Пражского Лингвистического Кружка) Трубецкой отмечает наличие этой корреляции в немецком литературном языке, в части немецких говоров и в голландском. К характеристике сходной корреляции в лопарском языке см. Лагеркранц *а, б, в*. Сложность лопарской фонологии в том, что в некоторых лопарских го-

ее видах. Евразия оказывается с двух сторон симметрически окаймлена политоническими языковыми союзами: с северо-запада — балтийским, с юго-востока — тихоокеанским. Это новый пример симметричной структуры западного и восточного краев континента, на которую обратил внимание Савицкий (а 47).

Сербо-хорватский язык, за вычетом юго-восточной окраины (см. Брок а 48), и прилегающие к нему словенские говоры Крайны (см. Теньер 90 и сл.) образуют политонический остров — редкостное явление в языковом мире. Следует учесть, что сербо-хорватская фонология — типично-реликтовая, ее пафос — сохранение праславянского строя. Это — отложение некогда обширного массива индоевропейских политонических языков. История утраты политонии этими языками в сопоставлении с историей их миграции составляет одну из интереснейших проблем исторической фонологии.

В настоящее время Европа, помимо балтийского союза языков и югославянского языкового островка, и Азия, за вычетом тихоокеанского союза, не знают политонии. Отличаются ли языки Евразии составом своих фонологических корреляций также от *монотонических* языков Европы и Азии?

5.

ТЕМБРОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ СОГЛАСНЫХ В ЯЗЫКАХ ЕВРАЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ. — Отличительным признаком языков Евразии, по сравнению с монотоническими языками соседних месторазвитий, является фонологическое использование тембровых различий согласных.

Пример: *великорусский* язык. Здесь двенадцати согласным фонемам фонологически противопоставлено столько же соответствующих фонем, отличающихся от первых только по тембру. Т. н. *твердые* согласные: *р, л, н, м, д, т, з, с, б, п, в, ф*. Коррелятивные *мягкие*: *рь, ль, нь, мь, дь, ть, зь, сь, бь, вь, фь*¹¹). Разница между мягкими и твердыми согласными служит в великорусском языке одним из основных средств дифференциации словесных значений. Достаточно немногих иллюстраций: *быт — быть — бит — бить, мат — мят —*

ворах названная корреляция сочетается с количественной корреляцией гласных, а в части говоров, сверх того, с количественной корреляцией согласных.

11) Вне этих парных противопоставлений только шипящие, *ц* и *й* (*й*). Различие *з — зь, к — кь, х — хь* в русской речи существует, но не играет фонологической роли, неспособно к словоразличению.

мать — мять, мыл — мыль — мил — миль, ров — рѣв, вес — весь, пилу — пилю, волна — вольна, горка — горько, стенка — Стенька. Существуют стихи, основанные на сопоставлении твердых и мягких согласных:

Я видел
Выдел
Весен
В осень... (Хлебников)

Противопоставление твердых и мягких согласных играет существенную роль и в прочих русских языках. В белорусском фигурируют те же пары согласных, что и в великорусском, только место пар *т — ть, д — дь* занимают пары *ц — ць, дз — дзь*, а в юго-западных белорусских говорах нет, кроме того, противопоставления *р — рь*. Украинский инвентарь парных по мягкости и твердости согласных отличается от великорусского отсутствием мягких фонем *бь, нь, вь, фь*¹²⁾; диалектически отсутствует и мягкое *рь*.

Для русского мягкость согласных — привычная и самоочевидная языковая категория, и, если он не искушен в языкознании, ему трудно себе представить, что большинство иностранных языков не пользуется этим средством словоразличения, и что во многих языках мягкость, если и встречается, то лишь в качестве комбинаторного варианта, не выделяемого языковым мышлением. Даже причастных к языкознанию русских нередко изумляет то обстоятельство, что рядовой европеец не слышит разницы между русскими мягкими и твердыми согласными. Я не раз проделывал этот опыт над чехами и немцами, говорил явственно: «*жарь — жар, Русь — рус, кровь — кров*» и т. п., а слушатели утверждали, что я дважды повторяю одно и то же слово. Уже Тредьяковский в 1752 г. писал, что, сколько ни объяснять европейцам суть русского смягчения согласных, «однако нікогда їхъ выговора къ тому совершенно склонить не можно, такъ что они почтай всѣ того перенять не въ состояніи, развѣ кому пошчастітся ізъ нихъ особліво» (30).

Польский литературный язык и южно-польские говоры содержат весь фонологический инвентарь пар, составляющих мягкостную корреляцию в юго-западном белорусском на-

12) Примеры: *робіт — работ, робіть — делайте; ніс — нос, нѣс — нес* (ь означает только мягкость согласного); *мік — ток, тьік — тек; сїну — сын!* (зват. падеж), *сїню — синюю; лїса — лиса, лїся — корова с пятном на лбу; рад, ряд.* Обстоятельное описание мягкостной корреляции в литературном украинском языке дано Сиявским.

речи, и, сверх того, пары *к* — *кь*, *г* — *гь*. Северно-польские говоры отличаются отсутствием фонем *ль*, *бь*, *фь*, *вь*, *мь* (см. Нич 270 и сл.); большинству этих говоров чужды и фонемы *кь*, *гь* (Нич 276 и сл.).

Восточно-славянский и польский материал позволяет нам подвергнуть анализу несколько типичных разновидностей мягкой корреляции. Сопоставим 4 одноподъемных гласных — *у*, *ы*, *ү*, *и* (*ү* звук, передаваемый в немецком письме через *ü* — *dünn*, *früh*, во французском через *u* — *tu*). Каждый гласный обладает собственным тоном. Высота этого тона обуславливается величиной и формой резонатора (т. е. канала от голосовой щели до губ). Названные гласные различаются, с объективно-акустической точки зрения, высотой собственного тона. От *у* до *и* высота собственного тона гласного последовательно возрастает. Если в фонологической системе есть всего 3 одноподъемных гласных, т. е. 1. *у*, 2. *ы* или *ү*, 3. *и*, то оба противопоставления (1. — 2. и 2. — 3.) однопланны, дифференциальное свойство — высота собственного тона. Если же налицо все 4 ряда, то различаются два плана противопоставлений: гласные *ү*, *и* противопоставляются гласным *у*, *ы*, как мягкие твердым, гласные *у*, *ү* — гласным *ы*, *и*, как темные светлым. Это два отдельных и независимых тембровых различия: одно — по *твердости* и *мягкости*, другое — по *темноте* и *светлости*. Ни одно из этих различий не может быть сведено к другому. Принципиальная разница между обоими дифференциальными свойствами, с субъективно-акустической точки зрения, несомненна. Сложнее вопрос — как охарактеризовать оба эти свойства в терминах объективной акустики. Впрочем, в данный момент это для нас несущественно.

Сказанное о гласных применимо в основных чертах и к тембровым различиям согласных, т. е. различиям в высоте собственного шума согласных. В противопоставлении твердых и мягких согласных твердые расцениваются как согласные нормального тембра, мягкие же как категория, осложненная дополнительным признаком. В противопоставлении согласных темных и светлых (пример на стр. 36) светлые считаются за нормальные, а темность за дополнительный признак. Если налицо трехчленное противопоставление согласных (темнотвердые — светлотвердые — светломягкие), то оно расценивается как однопланная градация: нормальным согласным противопоставлены с одной стороны согласные повышенного тембра (мягкие), с другой согласные пониженного тембра (темные) (пример на стр. 37). Двупланные, т. е. четырехчленные тембровые противопоставления согласных крайне редки, — в некоторых японских говорах Поливанов отмечает 4 фоно-

логических разновидности *к* и *г*: темнотвердую, светлотвердую, темномягкую и светломягкую (*а* 103). Повышение собственного шума согласных достигается путем уменьшения объема резонирующей полости. Главным средством к уменьшению резонатора служит поднятие средней части языка к твердому небу (*palatum*). Обратное — для понижения тембра нужно увеличение объема резонирующей полости, и оно осуществляется главным образом при помощи округления и выдвижения губ вперед (т. н. *лабиализация*).¹³⁾

Согласные фонемы русского литературного языка по месту артикуляции, т. е. по тому активному органу, который выполняет главную работу в производстве согласного, делятся на пять основных рядов:

1. *Заднеязычные* согласные, образуемые задней частью спинки языка. Затворные: *к, г*; щелинный: *х*. (Производство затворных согласных сопряжено со смычкой органов речи, препятствующей выходу воздуха; при производстве щелинных остается суженная щель для выхода воздуха).

2. *Среднеязычные* согласные, образуемые средней частью спинки языка. По пассивному органу они называются *палатальными* (твердонебными). Если средняя часть спинки языка поднимается в направлении к задней части твердого неба, согласные называются *заднепалатальными*, если к передней, — *переднепалатальными*. Заднепалатальных фонем в русском литературном языке нет (русские *къ, гь, хь* не являются самостоятельными фонемами). К переднепалатальным относятся *й* (*й*) и — в московском произношении — фонема, отвечающая букве *щ* (например, *щи, общий*) и соответствующая звонкая фонема (примеры: *дождик, дрожжи*).

3. *Переднеязычные* согласные, образуемые передней частью, т. е. началом спинки языка (согласно английской фонетической терминологии, *blade*). Затворные: *ц, ч*; щелинные: *с, з, ш, ж*.

4. *Кончиковые* (апикальные) согласные, образуемые кончиком языка. Затворные: *т, д*; щелинные: *н, л, р*. Характерным и для переднеязычных, и для кончиковых является сближение активного органа с зубною областью свода над полостью рта. К этой области относятся верхние резцы с десною и прилегающий край твердого неба. Поэтому оба названных ряда

13) Процесс лабиализации согласных хорошо описан Яковлевым (б 49 и сл.)

согласных объединяются в одну общую категорию *зубных* (см. Брок *б* §15).¹⁴⁾

5. *Губные* согласные, образуемые движением губ. Затворные: *п, б*; щелинные: *в, ф, м*.

Если с артикуляцией переднеязычного или кончикового или губного согласного сочетается в качестве дополнительной работы поднятие средней части языка в направлении к твердому небу, вызывающее акустическое впечатление мягкости, эта дополнительная работа называется *палатализацией*. Палатализованные согласные отличаются от непалатализованных согласных того же ряда только дополнительной артикуляционной работой (и соответственно — в акустическом аспекте — только повышенным тембром). Естественно, при наличии в данном языке серии противопоставлений «палатализованный — непалатализованный согласный», дифференциальное свойство, т. е. дополнительная работа и ее отсутствие (и соответственно, в акустическом аспекте, тембровое различие) абстрагируется от отдельных пар, и в свою очередь общий субстрат отдельной пары абстрагируется от дифференциального свойства (напр., *с* от его твердости и мягкости). Иными словами, налицо мягкостная корреляция согласных. Эта корреляция отчетлива, если тембровыми противопоставлениями характеризуются согласные нескольких артикуляционных рядов. Так, в великорусском языке есть палатализованные согласные переднеязычного, кончикового и губного ряда, а в большей части украинских говоров палатализованные первых двух рядов.

Но в производстве переднеязычных, или палатальных, согласных поднятие средней части языка к твердому небу — не дополнительная, а главная работа. Правда, эта работа и в данном случае вызывает акустическое впечатление высокого тембра, однако среднеязычные согласные и твердые согласные, тождественные по способу образования, но принадлежащие к иному ряду, взаимно противопоставлены не только по тембру, но и по характерному шуму (и соответственно, в артикуляционном аспекте, по месту главной работы). Которое из двух моторно-акустических различий является фонологическим дифференциальным свойством такого противопоставления?

Если в данном языке есть противопоставления палатализованных согласных непалатализованным согласным того же ряда и, сверх того, противопоставления среднеязычных соглас-

14) На важность различения переднеязычных и кончиковых согласных при анализе мягкостной корреляции согласных обратил мое внимание Н. С. Грубецкой.

ных непалатализованным согласным близкого ряда, то и последние противопоставления расцениваются как тембровые и входят в состав мягкостной корреляции. Примеры: 1) те польские говоры, где твердым губным противопоставлены палатализованные губные, а твердым заднеязычным, переднеязычным и кончиковому *n* — среднеязычные согласные, и 2) те украинские говоры, где твердым переднеязычным согласным соответствуют палатализованные переднеязычные, а твердым кончиковым согласным — переднепалатальные. К этому типу относятся говоры гуцулов, Буковины и Бессарабии. Но основной массив украинских говоров примыкает к великорусскому типу: все мягкие согласные, фонологически противопоставленные соответствующим твердым, реализуются в виде *палатализованных*, а отнюдь не в виде *палатальных* звуков.

Если в языке нет палатализованных согласных, но имеются среднеязычные согласные, противопоставленные твердым согласным *различных* рядов, то за скобку, естественно, выносятся опять-таки тембровое различие, а не различие характерных шумов (или соответственно — артикуляционных рядов). Например: 1) Часть польских говоров, лишенных фонологической мягкости губных, противопоставляет заднепалатальную разновидность среднеязычных твердым заднеязычным согласным, а переднепалатальную разновидность среднеязычных — твердым переднеязычным согласным и кончиковому *n*¹⁵). 2) В некоторых западно-украинских говорах (напр. у лемков, у галицкой интеллигенции) мягкие коррелаты переднеязычных и кончиковых реализуются в виде среднеязычных согласных¹⁶). В языке дана пропорция: *m* среднеязычное относится к

15) Польские говоры без фонологических пар *k* — *kʲ*, *g* — *gʲ*, занимающие всю польскую территорию к северу от линии: нижний Вепр — Висла — Груец — Сохачев — Висла — южная граница Крайны (Нич 276 и сл.), следует рассматривать как пограничный тип между языками с мягкостной корреляцией и языками без таковой. Если бы не одна единственная пара *n* — *nʲ*, то здесь не было бы «двурядности» твердых согласных, соответствующих согласным среднеязычным, и эти говоры пришлось бы отнести к тому же типу языков без мягкостной корреляции, к которому относится, например, чешский (см. стр. 23). Ассоциация между сонорными согласными (*p*, *l*, *n*, *m*) и шумными слишком слаба, чтобы кончиковое *n* само по себе отчетливо противопоставлялось переднеязычным шумным. Поэтому мы склонны трактовать северно-польские говоры как говоры, лишенные мягкостной корреляции. К тому же фонологическому типу принадлежат и словацкие говоры Спиша, в которых есть среднеязычные, соответствующие твердым *l*, *n*, и переднеязычным (см. Штибер 111 и сл., 122 и сл.).

16) Данными о распространении палатальных и палатализованных согласных в украинских говорах я обязан В. И. Симовичу, прекрасному знатоку украинской диалектологии. Эти данные

кончиковому *t*, как среднеязычное *s* (*s* шепелявое) относится к переднеязычному *s*. В обоих этих «отношениях» противопоставлены одинаковые тембры, тогда как характерные шумы (и соответственно артикуляционные ряды) твердых *s* и *t* различны. Итак, перед нами снова мягкостная корреляция.

Если же в данном языке среднеязычным согласным соответствуют твердые согласные, принадлежащие все к одному ряду, то нет предпосылок, которые позволяли бы вынести тембр за скобку, т. е. оценить именно тембровое различие как дифференциальное свойство противопоставлений. Среднеязычные согласные при таких условиях оцениваются просто как один из артикуляционных рядов, и согласные среднеязычного ряда в отношении к согласным прочих рядов являются, подобно всяким другим разнорядным согласным, *дизъюнктивными*, т. е. некоррелятивными, фонемами. Примеры: словацкий инвентарь среднеязычных сводится к фонемам *t', d', ɲ, l'*; в чешском те же фонемы, кроме *l'*. Отношение чехословацкого «*t'*» к *t* или к *х* или к *ц* такое же, как отношение между *t* и *х*, между *s* и *х* и т. п. Все это — дизъюнктивные фонемы. Мягкостной корреляции согласных таким образом ни в чешском, ни в словацком нет (ср. примеч. 15).

Между исконно-словацкими и беспримесно украинскими говорами есть переходные в фонологическом отношении полосы — восточно-словацкие говоры, утратившие чуждую украинскому количественную корреляцию, и окраинные прикарпатские украинские говоры (т. н. руснацкие), утратившие силовую корреляцию, чуждую словацкому. Часть руснацких говоров, сближаясь со словацкой фонологией, сузила рамки применения мягкостной корреляции: мягкие в конце слова здесь отвердели (Дурново 70). Тем не менее факт наличия или отсутствия фонологической мягкости согласных резко разграничивает словацкие и украинские говоры. «Именно этот момент, говорит Олаф Брок, обуславливает типичные контрасты и в звуковом строе разных славянских языков; типичный случай встречи таких контрастов имеется на границе угрорусских и восточнословацких говоров; припомним, что на данном месте очевидно нет речи об этнографической, племенной границе» (Б § 178; ср. *с*).

Мягкостная корреляция упразднена в кашубском (см. Лоренц *а* 72-85) и в лужицких языках — верхнем и нижнем (Щерба 183). В восточно-лужицком наречии старая категория парных мягких, по наблюдениям Л. В. Щербы, исчезает. Только сонорные зубные наделены здесь мягкими партнерами, но и

существенно исправляют показание Зелинского (350), повторяющееся без проверки различными лингвистами.

последние «доживают свой век» (30). Щерба зафиксировал несколько характерных симптомов отмирания мягкостной корреляции: вместо мягкого *ль* молодежь склонна подставлять европейское нейтральное *л* (29); *н* с успехом заменяет мягкое *нь*, «анализ сочетания ставит туземцев в затруднительное положение» (22); *нь* «само по себе «мягким»... не воспринимается, так что, если эта «мягкость» не выражается при переходе к следующему гласному, т. е. если гласный дальше не следует, то получают большое значение предшествующие высокие переходные звуки, которые и воспринимаются как *ј*». Приобретают значение различия в гласных, на которые переносятся различия в тембре согласных (184).

В южнославянской области только *восточно-болгарское* наречие знает фонологическое противопоставление мягких и твердых согласных. Но и здесь арена его применения очень ограничена. Она значительно уже, чем в любом из русских диалектов. Лишь в немногих восточно-болгарских говорах встречаются парные мягкие согласные в конце слова. В прочих говорах парность согласных по мягкости и твердости имеет место только перед твердыми гласными фонемами, в большинстве восточно-болгарских говоров исключительно перед *а*.¹⁷⁾ Можно сказать, что противопоставление мягких и твердых находится в этих говорах на самом пороге фонеморазличения. Характерный симптом — стремление заменить фонологическое противопоставление мягких и твердых согласных фонологической дифференциацией последующих гласных: восточно-болгарское *а* после мягкости склонно к преобразованию в дифтонг (односложное сочетание двух гласных) — *ea*.

«Об альтернации твердых согласных оттенков с мягкими, вроде системы, свойственной русской речи, в сербско-хорватском языке и речи нет», пишет Брок (б 68). То же можно повторить и о западно-болгарском с одной стороны и о словенском с другой. Таким образом *мягкостная корреляция согласных охватывает весь восточнославянский языковой мир и восточные районы западнославянской и южнославянской областей. Западной окраине славянского мира она чужда.*

Очень близок к русской фонологии язык *русских цыган*. Если язык украинских цыган воспроизводит звуковой строй украинского языка (Баранников 59), то язык великорусских

17) Степень мягкости колеблется в восточно-болгарском от «полупалатализации» до великорусского уровня. Репертуар парных согласных значителен: весь великорусский инвентарь и еще *ц—ць*. О восточно-болгарской мягкости согласных в сопоставлении с западно-болгарскими фактами см. Милетич 39-40; Младенов; Брок б 72 и сл., 152; Якобсон б 55 и сл., 76 и сл.

цыган некоторыми фонологическими особенностями напоминает великорусский язык¹⁸). Наиболее характерные сходства — наличие мягкостной корреляции, инвентарь согласных, осуществляющих таковую, и ее соотношение с системой гласных. Эта система, подобно русской, состоит из фонем: *и, у, е, о, а*. Фонема *и*, как и в великорусском, реализуется после мягких в виде *и*, после твердых в виде *ы*. Из великорусских твердых согласных только одинокие твердые (т. е. те твердые, к которым в языке нет мягких партнеров) сочетаются с фонемой *е*, которая в этих случаях реализуется в виде звука более задней артикуляции (*ужё, цен*). В цыганском фонема *е* фигурирует и после парных твердых, а реализуется она после мягких в виде звука переднего ряда, после твердых зубных, кроме *л*, — в виде звука передне-среднего, после прочих твердых в виде среднего. Различие между заднеязычными согласными и соответствующими мягкими внешне обусловлено: *ж, ш, ц* и *дз* всегда тверды, *ч* и *дж* всегда мягки. Прочие зубные и губные представлены двумя фонологическими разновидностями — мягкой и твердой. Противопоставление «мягкость — твердость» имеет место перед фонемами *и, е, а, о*, но и в этих пределах условия, в которых это противопоставление осуществляется, для каждой категории согласных индивидуальны. Примеры: *ферлоти — тыкно, цытёнте — лэстэ, ратя — ушта, татёла — татё; тыкнёнко — пань, ромнён — явнэ, ченя — чинэва; чурй — рыч; сася; насёвава — соно; киривй — лавына, бельвель — вэй; грубёвава — бйбо*. Цыганские слова оканчиваются в большинстве случаев на гласный или же плавный либо носовой согласный (Сергиевский а 98), — из мягких согласных в конце слова встречаются только *ль* и *нь*: *бельвель — балвал, чергэнь — ромнён*. Характерно, что мягкостная корреляция согласных бытует в диалектах тех цыган, которые живут среди восточных славян и поляков (см. Коперницкий III и сл.), но отсутствует в прочих цыганских диалектах (придунайских и др.), а равно и в остальных языках индийской ветви.

Всем без изъятия романским языкам Запада глубоко чуждо различение согласных по мягкости и твердости. Достаточно вспомнить, как трудно, например, французу или итальянцу, усваивающему русский язык, воспроизводить мягкие согласные. И. А. Бодуэн-де-Куртенэ (б 584) приводит характерный пример: француженка, попавшая в Россию, сознавала факт различия

18) В основу фонологической характеристики языка великорусских цыган мною положено главным образом описание М. В. Сергиевского (а), — отсюда же взяты все примеры.

между русскими мягкими и твердыми согласными, но не могла уловить, в чем именно это различие состоит, и, произнося русские слова, подставляла вместо мягких глухих согласных твердые звонкие (напр., *bel* — вместо *пел*, *de* вм. *те*, *rugî* вм. *руки*), т. е. заменяла признак одной корреляции согласных — мягкость — признаком другой, присущей французскому языку корреляции — звонкостью.

Только румынская группа — крайний восточный языковой остров романского мира — знает мягкостную корреляцию согласных. Восточную часть этого «острова» занимает молдавский язык. Карпаты составляют западную границу молдавского языка, Молдавская советская республика — его восточную окраину (ср. Вейганд б 10 и карта N 65). Говорам Молдавской республики посвящена содержательная работа М. В. Сергиевского (б). Для молдавского языка характерно совмещение следующих признаков: 1. мягкие *сь*, *зь* в разнообразных положениях и 2. затворные среднеязычные согласные, восходящие к сочетаниям — *п*, *б*+*и* неслоговое (Вейганд б 12). В одних говорах, описанных Сергиевским (Рыбницкий район и др.), с этими затворными согласными, по видимому, совпали подвергшиеся смягчению *т*, *д*. Автор говорит, что они «почти совпадают акустически» и «в индивидуальном произношении могут, действительно, совпасть» (87). Характерно, что крестьяне не отличают в письме этих согласных от *ть*, *дь*, вопреки принятой орфографии, и пишут, напр., *май дини ар арди* ... тогда как полагается этимологически писать ... *бине ар арде* ... и в то время как Сергиевский условно транскрибирует ... *g'in'i ar ard'i* ... (96). В этих же говорах *сь*, *зь* реализуются в виде палатализованных переднеязычных. Судя по примерам Сергиевского, в конце слова фигурируют: *сь*, *ть*, *нь*, *рь* (*аись* = рум. *aici*, *зернь* = рум. *viermi*, *орь* = рум. *ori*); как эти согласные, так и *зь*, *дь*, *ль* могут сочетаться с фонемами *а*, *о*, *е*, *и*, а мягкие губные только с *е*, *и* ¹⁹).

19) Молдавская система гласных очень похожа на систему русского литературного языка. В молдавском также 5 ударных фонем и 3 безударных. Светлые гласные мягки (и соответственно характеризуются передней артикуляцией) после мягких согласных (*и*, *е*, *я*) и тверды (соответственно характеризуются более задней артикуляцией) после твердых (*ы*, *э*, *а*) (ср. Сергиевский б, Курило 218). Разница в том, что *сэ* в русском сочетаются только одинокие твердые согласные, а в молдавском и парные твердые, и что основными вариантами фонем в русском являются *и*, *е*, а в молдавском *ы*, *э*. Напр. в русском в начале слова возможно только *и*, а не *ы*, тогда как в молдавском наоборот: *ынпрег*, *йин*, *йибовник*. Соответственно в русском после *к* фигурирует *и*, а в рассматриваемом говоре *ы*: *кынипа*. Еще отличие: русской безударной фонеме *а* соответствует молдавское *э* (отодвинутое назад *е*).

Другой тип молдавских говоров, охарактеризованный Сергиевским (Ананьевский район и др.), отличается от первого тем, что рефлекс сочетаний «п, б+и неслоговое» здесь артикуляционно и акустически «несколько далее от мягких ть, дь», т. е., повидимому, противопоставляются заднеязычным как мягкие твердым (примеры: *оць, келтин*). Другая особенность: фонемы *сь, зь* реализуются в виде среднеязычных щелинных (96).

Мягкостная корреляция, присущая молдавским говорам и молдавскому литературному языку, неизвестна румынскому литературному языку. В каком точно районе румынской группы пролегает граница мягкостной корреляции, на это должен ответить тот специалист-румыновед, который в состоянии из пестроты разрозненных диалектологических показаний вычитать фонологическую систематику румынских говоров. Но уже сейчас мы можем сказать, что в отношении мягкостной корреляции румынская группа составляет параллель чередке болгарских наречий: *в направлении с востока на запад эта корреляция сперва убывает, а далее вовсе отсутствует.*

Финноугорская языковая группа также расчленена на две разновидности — восточную, с фонологической мягкостью согласных, и западную, без таковой.

Языки финской ветви в этом отношении особенно показательны²⁰). Пермские языки, т. е. 1. *воляцкий*, или удмуртский (см. Емельянов), 2. языки коми (*зырянский* и *пермяцкий*) наделены самостоятельной мягкостной корреляцией согласных. Твердым *т, д, н, л* противопоставлены в качестве мягких соответствующие среднеязычные согласные, а твердым *с, з* в одних говорах противопоставлены среднеязычные, в других — палатализованные переднеязычные согласные. Таким образом пермские языки всецело совпадают по репертуару парных согласных с двумя западными разновидностями «твердозрых» украинских диалектов — с говорами, где мягкие *с* и *з* реализованы в качестве среднеязычных согласных (см. стр. 23), и с теми говорами, где мягкие свистящие не палатальны, а палатализованы (см. стр. 22). Для иллюстрации дифференцирующей роли мягкостной корреляции в пермских языках приведу, с применением русской орфографии, несколько примеров из книги Г. С. Лыткина: *нас* — знак, *нась* — шуба; *сам* — нажива, *сам* — обычай; *сысь* — гниль, *сись* — воск; *сой* — рука между плечом и локтем, *свй* — глина; *роз* — колос, *розь* — отверстие; *ут* — валец, *уть* — вид; *код* — пьяный, *кодь* — подобный; *нэм* — век, *нем* — ничто; *нур* — закуска, *нюр* —

20) Там, где источник фонологических данных по финским языкам мною не оговорен, эти данные восходят к показаниям Д. В. Бубриха.

болото; *лань* — тишина, *лян* — затхлый; *ул* — сук, *уль* — сырой; *пел* — большой палец, *пель* — ухо.

Мягкостная корреляция играет еще большую роль в фонологической системе обоих *мордовских* наречий — зрянского и мокшанского (ср. Бубрих *б*, Евсевьев, Шахматов *б*). Следующие согласные фонемы наделены коррелятивными мягкими фонемами: *т, д, н, л, р, с, з, ц, дз*. Примеры Бубриха: *истья, ведямс, панян, молян, вадья, сядо, зяро, цѣра*. Все мордовские мягкие согласные, подобно великорусским, палатализованы.

Та же корреляция бытует и в некоторых говорах лугового наречия *черемисского* (марийского) языка, например, в малмыжском и пермском говорах (Вихман, Беке 104 и сл.). В тех же черемисских диалектах, где самостоятельной мягкостной корреляции согласных нет, имеет место мягкостная корреляция слогов, типичная для тюркских языков Евразии. Мы остановимся на этих диалектах ниже, в связи с рассмотрением тюркских тембровых различий (стр. 33-34).

Богатую фонологическую градацию представляют собою диалекты *карельского* языка. В тверско-карельских говорах фонологически-парными по мягкости и твердости являются не только переднеязычные, кончиковые и губные согласные, но и заднеязычные, т. е. численно превзойден великорусский репертуар парных мягких фонем. В южных (пиданских) говорах Карельской республики наделены мягкими коррелатами переднеязычные (*с, з*) и кончиковые (*т, д, н, л, р*). Олонецкие и с востока примыкающие к ним людско-карельские говоры — пограничный тип между наличием и полным отсутствием мягкостной корреляции. Инвентарь пар: *т — ть, д — дь, н — нь, л — ль, р — рь*. Если бы мягкие согласные здесь реализовались в виде среднеязычных согласных, то мягкие и твердые расценивались бы как два разных артикуляционных ряда (среднеязычный и кончиковый), и так же, как в чешском, не было бы никакой тембровой корреляции. Но в рассматриваемых говорах мягкие согласные не палатальны, а палатализованы, они не отличаются от твердых по месту артикуляции, и, по видимому, тембровое различие здесь уже осознается как таковое. Характерно, что новые заимствования из великорусского сохраняют в этих говорах мягкость *сь, зь* и губных. Язык без мягкостной корреляции (напр. чешский) чужезычную самостоятельную мягкость воспроизвести не в состоянии. Легче увеличить инвентарь коррелятивных фонем, чем усвоить новые дизъюнктные фонемы.

На крайнем севере Карельской республики — в ухтинско-карельском говоре отсутствует мягкостная корреляция согласных. Не знают ее ни лопарский язык, ни основная масса гово-

ров суоми (т. е. языка финляндских финнов). Только на *восточной окраине суоми* — отчасти в пределах Финляндии (около В. Саймы), а главным образом вне Финляндии (в окрестностях Ленинграда) сравнительно недавно — в результате отпадения конечного *и* — появились мягкие согласные фонемы — палатализованные *ть, дь, нь, ль, рь*, а в отдельных говорах также *сь, кь* и и т. п. О параллельном диалектическом новшестве в эстонском см. ниже (стр. 38). Помимо этого новшества, фонологической мягкости согласных в эстонском нет. Лишен ее и ливский язык, занимающий северный краешек Курляндии (Кеттунен).

Чужда мягкостная корреляция и западному представителю угорской ветви финноугорского семейства — мадярскому языку. Так же, как и чешский язык, он обладает дизъюнктивными среднеязычными фонемами *t', d', њ*; раньше он знал и среднеязычное *l'*, но, подобно чешскому, утратил эту фонему. Один из восточных (обских) отпрысков угорской ветви — *остяцкий* язык насчитывает, судя по указаниям Кастрена (б), 8 пар коррелятивных согласных: *т — ть, д — дь, н — нь, л — ль, ч — чь, дж — джь, к — кь, г — гь*. Примеры: *тул* — глупый, *тыл* — пуговица; *тада* — пустой, *тядя* — отец. Мы не располагаем достаточно надежными данными, чтобы выяснить, знает ли фонологическую мягкость согласных и другой член обско-угорской группы — вымирающий вогульский язык.

Ближайшим сородичам финноугорского семейства — *самоедским* языкам мягкостная корреляция согласных знакома. Юраки, первое по численности из самоедских племен, с масштабом кочевий от Архангельска до устья Енисея, располагают в своем языке, согласно Кастрену, следующими парными по мягкости и твердости согласными: *т, д, н, л, р, с, з, ц* (а §§ 20, 23, 29, 31, 33, 35, 37, 39; ср. также Лехтисало 28 и сл.). Реализация мягких фонем, видимо, соответствует литературно-украинской (переднеязычные палатализованы, а кончиковым соответствуют среднеязычные).

Рассмотрев сперва три ветви индоевропейского языкового семейства — славянскую, индийскую и романскую, а затем уральское языковое семейство (финноугорские и самоедские языки), мы приходим к выводу о наличии двух фонологических типов, из которых каждый с большой отчетливостью географически приурочен. Одну территориально компактную группу составляют языки и диалекты с фонологическим различием согласных по мягкости и твердости; в эту группу входят представители различных ветвей, следовательно, мы в праве говорить о языковом союзе, — назовем его евразийским. Этому союзу противостоит другой тип: языки и диалекты без фонологи-

ческого различия согласных по мягкости и твердости. Эти языки принадлежат к тем же семействам и даже большей частью к тем же ветвям семейств, что и языки первого типа, но область их распространения находится вне территории евразийского языкового союза. По своему местоположению это частью языки европейские (подавляющее большинство романских языков, юго-западная окраина славянского и северо-западная окраина финского языкового мира, мадярский язык и говоры придунайских цыган), частью азиатские (подавляющее большинство индийских языков).

Тюркские языки характеризуются т. н. *гармонией гласных*. Гласные образуют ряд пар, гласные каждой пары различаются между собою по тембру. Таким образом взаимно противопоставлены две категории гласных: гласные относительно низкого тембра — «твердые», и соответствующие гласные повышенного тембра — «мягкие». Пример — казак - киргизская система гласных:

Твердые гласные	Мягкие гласные
а	е
о	ё
ы	и
у	ү ²¹⁾

Все гласные одного слова принадлежат в этих языках к той же категории, к которой относится первый гласный этого слова: если в первом слоге мягкий гласный, все следующие гласные — мягкие, если же твердый, то и все следующие — твердые. Галимджан Шараф в интересной работе «Палятограммы звуков татарского языка сравнительно с русским» и другие российские лингвисты нашего времени выяснили существенное явление в фонологической структуре целого ряда тюркских языков. Наряду с парностью гласных в этих языках обнаружена и парность согласных, — согласные также различаются в них по твердости и мягкости, и гармония гласных неразрывно связана с гармонией согласных: одни слова состоят из мягких согласных и мягких гласных, другие — из твердых согласных и твердых гласных. Это т. н. *слоговой сингармонизм*. Шараф (98-99), Яковлев (а 61) и другие показывают при этом, что неправильно рассматривать парность тюркских гласных как самостоятельную фонологическую категорию,

21) При произношении ё положение языка то же, что при е, положение губ то же, что при о. При произношении ү положение языка то же, что при и, положение губ то же, что при у.

а парность согласных как только сопутствующую вариацию.²² Различие согласных по мягкости и твердости составляет, наравне с различием гласных по мягкости и твердости, неотделимую часть, дробь *мягкостной корреляции слогов*. Таким образом в языках этого типа различие согласных по мягкости и твердости, хотя и не образует самостоятельной корреляции, а лишь дробь корреляции большей емкости, тем не менее является фонологическим фактом, входит в фонологическую систему. Примеры из казак-киргизского: *ал* = возьми, *ель* = кисть руки; *ак* = белый, *екъ* = сей (повелит. накл.). Мягкость в сингармонистических языках служит для различения не отдельных фонем, а целых слов. Поэтому в некоторых тюркских системах письма имеет место «вынесение общего для всех звуков слова знака мягкости как бы за скобки» (Шараф). В латинском письме, построенном на этом принципе (казакский алфавит Тюрякулова) приведенные слова приобретают следующий вид: *al* — 'al, *aq* — 'aq. В русском письме в качестве предваряющего «знака мягкости» может быть естественно использован традиционный мягкий знак: *ал* — ъал, *ак* — ъак. Еще примеры в такой же письменной передаче — татарские слова: *ана* = мать, *вана* = вот, и т. п.

Установлено наличие мягкостной корреляции слогов в следующих тюркских языках: в *татарском*, *казак-киргизском*, *кара-киргизском*, *башкирском*, *туркменском* (Шараф 97, Яковлев б 60 и сл.), в языке *бессарабских гагаузов* (Мошковъ XXVII), в *азербайджанском* (согласно данным грамматики азербайджанского языка, подготовленной к печати Е. Поливановым и И. Гасановым) и в большинстве *узбекских* говоров.²³ С другой стороны характерно, что ни в османско-турецком, принадлежащем к той же юго-западной группе тюркского семейства, что и языки туркменов и бессарабских гагаузов (Самойлович 5-6), ни

22) Обстоятельно обосновывая фонологический характер различия татарских согласных по твердости и мягкости, Шараф ссылается, между прочим, на способность как твердых, так и мягких согласных играть роль самостоятельных междометий (*p!* *ш!* *мь!* *сь!*) и на звукоподражательные слова, состоящие из одних твердых или из одних мягких согласных (*клт* — *кльть*, *шрт*, *тьрь* и т. п.).

23) Слоговым сингармонизмом характеризуются все не-иранизованные говоры узбекского языка (Поливанов в 517, 536). К этой категории Поливанов относит 1. собственно - узбекскую группу, к которой принадлежит большинство говоров сельского населения Узбекистана, в том числе все полукочевые узбеки, 2. не-туркменизированные сев.-узбекские говоры (в Туркестанском и Чимкентском районах, кроме иканского и кара-булакского говора) и 3. туркменизированные узбекские говоры (иканские, кара-булакский и некоторые другие).

в османизованном языке гагаузов Добруджи нет различия согласных по мягкости и твердости, как мне указали авторитетные тюркологи — проф. Карлова университета в Праге Я. Рыпка и профессор Краковского университета Т. Ковальский, уделяющий, как показывает его исследование о караимских говорах, надлежащее внимание вопросу о мягкости и твердости согласных. Таким образом и в тюркской группе обнаруживается близкая параллель к расщеплению индоевропейского, а равно финноугорского языкового мира на два типа: евразийский, с различием согласных по мягкости и твердости, и внеевразийский, без такового.²⁴⁾

Очень поучительна фонологическая структура языка *северо-западных караимов*, живущих в районе Поневежа, Трок и Вильны. Этот тюркский язык, прекрасно описанный в книге Ковальского, проделал любопытную эволюцию — от мягкостной корреляции слогов к самостоятельной мягкостной корреляции согласных. Пример: *кунлардан* = из слуг, *кюньлярдянь* = из дней (стр. ХХХ). В этом языке парны по мягкости и твердости почти все согласные, принадлежащие к губному, кончиковому, переднеязычному и заднеязычному рядам. Возникновение караимской мягкостной корреляции — очень близкая параллель к русско-польской фонологической эволюции. Я не буду здесь в подробностях останавливаться на характерных чертах русско-польского преобразования праславянской фонологии.²⁵⁾ Отмечу лишь одно: праславянская фонологическая система содержала ту же мягкостную корреляцию слогов, которою обладают тюркские языки со слоговым сингармонизмом (с тою разницею, что в праславянском языке эта корреляция не служила к выделению слова, т. е. не несла синтаксической функции, каковую она выполняет в сингармонистических языках, — но это нас в данный момент не интересует). Русско-польский тип модификации праславянской фонологической системы состоит в том, что противопоставление согласных по мягкости и твердости приобрело самостоятельную роль. В связи с этим противопоставление мягких и твердых гласных теряло значение, и как в русском, так и в польском сказалась четкая тенденция унифицировать пары разнившихся тембром гласных

24) К сожалению, мы не располагаем данными еще по целому ряду распространенных тюркских языков Евразии, — разнятся ли по мягкости и твердости согласные в этих языках (напр., в якутском, алтайско-татарском и некоторых др.). Во всех этих языках гармония гласных строго проведена, и обнаружение параллельной гармонии согласных теоретически весьма вероятно. Гармония гласных возможно окажется и здесь частным проявлением слогового сингармонизма.

25) Я пытался осветить этот вопрос — в гл. VII и др.

фонем. При противоположном типе модификации праславянской фонологии, который мы наблюдаем в более западных и более южных славянских языках (особенно в чешском, сербо-хорватском и словенском) различие согласных по мягкости и твердости утрачивается, и взаимное противопоставление мягких и твердых гласных при таком условии сохраняет свое значение. Из тюркских языков эволюцию последнего типа проделал, повидимому, османско-турецкий, тогда как в языке северо-западных караймов мы имеем полную аналогию восточному варианту славянской эволюции. В этом языке гласные после мягких согласных совпали с соответствующими гласными твердого слога.²⁶⁾ Ср. напр. русский переход *e* в *o* перед твердыми согласными (*сѣла, идѣм*) и польский — перед твердыми зубными.

Чувашский язык, ближайший сородич тюркских, занимает промежуточное положение между языками с мягкостной корреляцией слогов (татарский тип) и языками с самостоятельной мягкостной корреляцией согласных (русский тип). Приближение к русскому типу проявляется в том, что чувашское противопоставление *с* — *сь* осуществляется независимо от соседних гласных, так что мягкая разновидность *сь* нередко сочетается с твердыми гласными, а твердое *с* в свою очередь с гласными мягкими (Егоров 51). Остальные согласные следуют татарскому типу, т. е. составляют в отношении мягкости и твердости неразрывное целое с соседними гласными. Но характерно, что татарские палатализованные согласные «дают более твердый акустический эффект, чем соответствующие звуки чувашского языка, которые в этом отношении приближаются к русским согласным *и*, за исключением некоторых оттенков, совпадают с ними» (там же 54). Это, надо думать, стоит в связи с вышеуказанной тенденцией чувашского языка к самостоятельности мягкостной корреляции согласных.

Черемисский (марийский) из всех восточно-финских языков соблюдает наиболее последовательно гармонию гласных. Те черемисские говоры, которые лишены самостоятельной мягкостной корреляции согласных (ср. стр. 28), видимо, приближаются к татарскому фонологическому типу: тембр согласных составляет неразрывное целое с тембром гласной фонемы того же слога. Наличие слогового сингармонизма в черемисских го-

26) Формулирую точнее: после мягких согласных мягкие гласные были замещены тем вариантом соответствующих гласных фонем твердого слога, который имел место в абсолютном начале слова и расценивался языковым мышлением как основной вариант соответствующей фонемы. Только в абсолютном начале слова противопоставление мягких и твердых гласных, естественно, было сохранено, потому что в этом положении фонологическое различие не могло быть перенесено на согласные.

ворах неоднократно отмечалось исследователями (ср. напр. Леви 36-37). Рамстедт, описывая горное черемисское наречие, сообщает, что в оживленной речи неопределенные гласные выпадают, согласные становятся слогаобразующими, и тембровые различия этих согласных самостоятельно служат средством словоразличения. Примеры: *тр* (со слоговым *р*, — выпал твердый неопределенный гласный) = мир, *тръ* (со слоговым *рь*, — выпал мягкий неопределенный гласный) = граница; *ш* (твердый слоговой согласный, — отпал начальный твердый неопределенный гласный) = разум, *шь* (мягкий слоговой согласный, — отпал начальный мягкий неопределенный гласный) = нет (стр. IX, X). В виду того, что тембровая парность согласных *т*, *н*, *л* осуществляется в этом наречии независимо от окружающих гласных, в нем можно усмотреть переходность от мягкостной корреляции слогов к самостоятельной мягкостной корреляции согласных и сопоставить эту переходность со схожим явлением в чувашской фонологии. Что касается объективной степени смягчения черемисских согласных в мягком слоге, то, по словам Паасонена, наблюдавшего черемисский говор Бирского у. Уфимской губ., она совпадает с волжско-татарской степенью палатализации и уступает чувашской, которая, в свою очередь, ниже мягкости мордовских согласных (стр. IV-V). Характерно, что в русском говорении черемис — 1. мягкость русских согласных ослабляется, 2. сказывается тенденция к тембровой униформации слога, напр., *лесь*, *нетъ* (Селищев в 67).

В монгольских наречиях согласные перед *и* палатализованы. Три фонологических изменения обусловили превращение этого внефонологического факта в самостоятельную мягкость согласных: 1. Конечное *и* отпадало, мягкость предшествующих согласных сохранялась. 2. *и* первого слога ассимилировалось с гласными следующих слогов (т. н. «перелом»). Фонема *и* заменялась фонемой *а*, *е*, *о* и т. п. След этого *и* — мягкость предшествующего согласного. 3. Между *и* и последующим гласным выпадал согласный. Результатом было «стяжение» обоих гласных в один долгий гласный: *и* + *а* стягивались в *е* и т. п. Предшествующий согласный оставался мягким.²⁷⁾

27) Владимирцов сопоставляет завершение процесса образования долгих гласных из комплексов с одновременным процессом перехода монгольских племен «от охотничьего звероловного быта к кочевому, вызвавшему большие изменения в жизни вообще. Разные племена в разное время и по-разному приобщались к условиям новой степной кочевой жизни, к которым под конец перешло большинство монгольских племен. При таком положении у монгольских племен, переходивших на степную кочевую жизнь, процесс фонетической эволюции должен был пойти скорее, и

Одни монгольские наречия последовательно сохранили мягкость согласных во всех этих категориях случаев, в других наречиях рамки бытования самостоятельной мягкости более или менее сужены. Как бы то ни было, мягкостная корреляция согласных в монгольском языковом мире, насколько позволяют судить доступные нам материалы, широко распространена. Характерным примером монгольского наречия, последовательно сохранившего мягкость согласных перед замененным или исчезнувшим без замены гласным *и* может служить *дагурское* наречие, занимающее значительную часть северной Маньчжурии и прекрасно описанное в монографии И. Н. Поппе, или напр. *ордосское* наречие (Мостэрт). В дагурском наречии все три вышеназванных фактора обуславливают мягкость согласных (119 и сл., 142). Обратное, *халхаское* наречие, обследованное в капитальном труде Б. Я. Владимирцова, не знает мягких согласных в конце слова, а перед *и*, изменившимся в другой гласный (перелом, стяжение), в этом наречии наблюдается колебание — в одних случаях согласные мягки, в других, при невыясненных условиях, тверды.

Дагурское и халхаское наречия принадлежат к восточной монгольской ветви. Представителю западной ветви — *калмыцкому* наречию — также свойственны мягкие согласные фонемы (перед утраченным *и*). В. Л. Котвич отмечает наличие мягких согласных *нь, ль, рь, вь, кь* (51).

Применительно к монгольским наречиям Поппе говорит о палатализации согласных (120, 142), Владимирцов — о сочетании согласного с очень коротким и слабым переходным скользящим звуком, который он обозначает надстрочным маленьким *i* (56, 176, 200). Это разногласие следует, очевидно, примирить в том смысле, что главная артикуляционная работа прекращается раньше дополнительной: между палатализованным согласным и широким гласным (*а, е* и т. п.) в монгольских наречиях развивается отчетливый переходный гласный элемент, близкий к неслоговому *и*, — нередкое сопроводительное явление при сильной палатализации (ср. Брок *б* §185). О сильной палатализации, реализующей фонологическую мягкость, свидетельствуют показания Поппе: поскольку мягкость самостоятельна, степень палатализации значительно выше, чем в положении перед *и*, где мягкость внешне обусловлена, но все же и дагурские сочетания с *и* близки к русским, например, в слове *битег* (письмо) *бь* «произносится почти как в слове *бить* и очень далеко стоит от *в* в немецком *bitte*» (142).

новые слова, а также старые, приспособленные к требованиям новой жизни слова, относившиеся к области кочевого быта, степной кочевой обстановки, оказались в формах новых» (241).

Подведем географические итоги нашему перечню монотонических языков, наделенных фонологической мягкостью согласных. Эти языки сплошь охватывают 3 равнины — *беломорско-кавказскую, западно-сибирскую и туркестанскую*, т. е. то основное ядро, где сказываются и характернейшие географические особенности евразийского мира (см. Савицкий *а* 8 и след., *б* 131). Юго-западная окраина этого фонологического объединения занимает *западный клин евразийских степей*, свисающий вдоль берега Черного моря от Одессы к Балканам. Наконец, на востоке монотонические языки с мягкостной корреляцией, видимо, покрывают *«монгольское ядро континента»* которое по ряду признаков также принадлежит к Евразии (Савицкий *а* 50).

Горная область, окаймляющая с юго-востока беломорско-кавказскую равнину, занята главным образом языками группы горской, или северно-кавказской.²⁸⁾ Фонологическая особенность языков Евразии здесь налицо: тембровые различия согласных играют в этих языках существенную роль. Но — типично-периферийное явление! — эти различия отчасти видоизменены, отчасти усугублены.

Мягкостная корреляция того же типа, как в русском, мордовском и т. д., имеется в *абхазском* языке и в *восточно-кавказских* говорах. Соответствующая корреляция есть и в *лакском* и *чеченском* языках, с тою лишь разницей, что категория согласных повышенного тембра осуществлена здесь, с звукопроизводной точки зрения, иным способом. Это так называемые «эмфатически-мягкие».

Другого рода отклонением от канонической тембровой корреляции равнинных языков Евразии является в северно-кавказских языках «темностная» корреляция согласных. В терминах объективной акустики мы можем констатировать, что здесь противопоставлены не согласные повышенного и нормального тембра, а согласные нормального и пониженного тембра (ср. стр. 19). Такая корреляция бытует во всех западно-кавказских языках и во многих языках Дагестана. В одних языках, например, в кабардинском, она служит единственной тембровой корреляцией, в других, — усугубление тембровых различий, — она уживается с мягкостной корреляцией того или иного типа; пример: абхазский язык.²⁹⁾

28) Данные о тембровых различиях в этих языках почерпнуты мною из устных сообщений Н. С. Трубецкого и из работ Яковлева (*а, б, в*). Опыт классификации этих языков: Трубецкой *в*.

29) В кабардинском взаимно противопоставленные темные — светлые согласные составляют 8 пар. Пример: *бегъ* = детская болезнь, *бег* = паук (обозначаю лабиализацию согласных твердым знаком).

Языки Закавказья — армянский и картвельская (грузинская) группа — лишены тембровых различий согласных. На переходный характер этой области в географическом и этнографическом отношении — от Евразии к соседним месторазвитиям — уже неоднократно указывалось (Савицкий § 90, Святополк-Мирский, Зеленин § 87). Нет далее тембровых различий ни в иранских языках Кавказа (осетинский, татский), ни в иранизованных узбекских говорах.³⁰)

Дальневосточные — палеоазиатские языки подтверждают тезис Савицкого, что Дальний Восток находится вне евразийского мира (а 51). Эти языки распадаются на два фонологических типа. Языки чукотский (Богораз б) и юкагирский (Иохельсон) не различают согласных по тембру. Даже русские дальневосточные говоры, подвергшиеся юкагирскому влиянию (Богораз а), склонны заметно сокращать применение мягкостной корреляции. В этом отношении крайний восточный пункт русского языкового мира сходен с его крайним западным пунктом — с частью руснацких говоров (ср. стр. 23). Гиляцкий язык, занимающий северную часть Сахалина и низовья Амура, обладает мягкостной корреляцией согласных и одновременно политонией, насколько можно судить по отрывочным показаниям Л. Штернберга.³¹) Он принадлежит таким образом к тихоокеанскому политоническому союзу и особенно близок по составу корреляций к японскому языку: японские говоры, кроме северо-восточных, характеризуются политонией и различием согласных по мягкости и твердости (Поливанов а 169 и след., б).

Сходное явление имеет место на северо-западной границе Евразии: и здесь изолиния мягких согласных вклинивается в политонический языковой союз. Различие согласных по мягкости и твердости свойственно литовскому языку, где оно, повидимому, служит составною частью (дробью) мягкостной корреляции слогов (ср. напр. Куршат 14, 24 и сл.). По наблюдению Ларина, в литовских говорах, соседящих со славянскими, палатализация, «в силу польского и русского влияния, заметней и более всеобща, чем в других литовских говорах»(115). В качестве диалектического явления, самостоятельная мягкость согласных известна в латышском языке. Она особенно распро-

В абхазской фонологической системе к пяти светлотвердым согласным фонемам есть и темные и мягкие коррелаты, к шести только мягкие и к одной только темный коррелат.

30) Сюда относится ряд городских узбекских говоров (Ташкент, Джизак, Самарканд, Катта-Курган, Ура-тюбе, Нарша, Бухара) и группа переходных ферганских говоров (Поливанов в).

31) Парными по мягкости и твердости являются следующие гиляцкие согласные: ц, ч, с, з, т, д, н, л, в.

странена в восточно-латышских говорах, — Эндзелин допускает русское влияние (б § 90). Поливанов отмечает в ревельском говоре эстонского языка черту недавнего происхождения — фонологическую парность согласных по твердости и мягкости. В виду акустической слабости этой мягкости он пользуется термином — «полу-мягкость» (а 198). Это явление, возникшее в результате отпадения и выпадения *и*, свидетельствует, наряду с аналогичным восточно-финским явлением, что поступательное движение изолинии мягкостной корреляции продолжается или, по меньшей мере, еще недавно продолжалось.

6.

**СВОДНАЯ ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ЕВРАЗИЙСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА.** — Еще должна быть исследована распространенность слогового сингармонизма на восточных окраинах туранского языкового мира (в частности, в языках маньчжуро-тунгусской ветви), *) но уже сейчас мы в праве говорить о евразийском языковом союзе, не предрешая, какова в некоторых отрезках степень близости его изофон с прочими евразийскими изолиниями.

Состав фонологических корреляций в языках евразийского союза характеризуется сочетанием двух признаков: 1. монотония, 2. тембровые различия согласных, проявляющиеся, за вычетом кавказской периферии Евразии, в виде мягкостной корреляции. Вне той территориально-непрерывной группы языков, которую мы поименовали евразийским языковым союзом, нет в настоящее время на основном материке Старого Света, т. е. на том материке, в состав которого входит Евразия, ни одного языка, обладающего указанным сочетанием фонологических признаков. Только между языками прилегающих к этому матерiku островов — на крайнем западе европейского мира — есть один язык, содержащий названные признаки: в ирландском языке с монотонией сочетается фонологическое противопоставление мягкости и твердости согласных (см. напр. Соммерфельт а, б). ³²⁾

Корр. прим.

*) Алькор отмечает, что «почти все собственно-тунгусские согласные могут быть палатализованными и непалатализованными» (б), но неясно, идет ли речь о мягкости фонологической. Подготовленные русскими исследователями описания тунгусских языков (эвенкийского, ламутского и негидальского) еще, к сожалению, не напечатаны.

32) В состав фонологического определения Евразии входит *положительный* признак (наличие тембровых корреляций). Это тем более показательно, что до сих пор не удалось найти ни одного общеевропейского или общеазиатского положительного фонологического признака.

На крайнем северо-западе и соответственно на крайнем северо-востоке с евразийским языковым союзом соседят группы монотонических языков без тембровых различий согласных: с одной стороны — лопарский язык, ухтинско-карельский говор, суоми за вычетом восточной окраины и финляндско-шведское наречие, с другой — чукотско-юкагирский тип палеоазиатских языков.³³⁾ На северо-западе и на протяжении всего востока евразийский союз граничит с политоническими союзами — балтийским и тихоокеанским. Наконец, на юго-западе и юге соседи евразийского союза — снова монотонические языки, не различающие согласных по тембру: основной массив языков Европы, османско-турецкий язык, картвельская группа и индоевропейские языки Ближнего Востока (армянский и индоиранская группа).

Пока мы могли констатировать только одно заметное расхождение между фонологической границей и инородными изолиниями, определяющими контуры Евразии: в польских пределах евразийские изофоны оказались агрессивней физико-географических признаков и исторических границ. Но в первых, сопоставление польских говоров дает яркую картину убывания мягкостной корреляции, т. е. обнаруживает переходный, междурайонный характер польской фонологии (ср. стр. 22), во-вторых, есть еще одно любопытное показание, опять-таки лингвистическое, о польском уклоне в сторону востока. Тенденции, присущие языковому целому, зачастую находят себе сгущенное выражение в литературном языке. Русская ориентация фонологической эволюции польского литературного языка наглядно и убедительно показана Лером-Сплавинским (см. напр. 192 и сл.). Польский литературный язык устранил ряд фонологических различий, чуждых восточнославянскому строю, с другой стороны он сохранил некоторые фонологические различия, которым было соответствие в русском языковом мире, сохранил несмотря на то, что эти различия упразднены в окрестных польских народных говорах, наседающих на литературный язык.

Еще отчетливее проявляется междурайонный, переходный характер румынской и болгарской фонологии. Это диалектические группы с очень неравномерным распределением тембровых различий согласных: в одних говорах эти различия довольно основательно использованы, в других сказывается резкая тенденция — сократить применение мягкостной кор-

33) К этому же типу, повидимому, примыкают и те северо-восточные японские говоры, в которых нет ни политонии, ни количественной корреляции гласных, ни мягкостной корреляции согласных (см. Поливанов б).

релации, свести к минимуму либо число согласных, противопоставленных по мягкости и твердости, либо репертуар фонемосочетаний, в которых это противопоставление осуществляется. Различия между мягкими согласными и соответствующими твердыми частью вовсе упраздняются, частью различие в тембре заменяется каким-либо иным дифференциальным признаком. Наконец, с зоной убыли мягкостной корреляции соседят диалекты, где эта корреляция вовсе отсутствует.

На стыке евразийского союза с политоническими союзами роль переходных звеньев к евразийскому миру выполняют политонические языки с фонологической мягкостью согласных. Таков на восточной окраине балтийского союза литовский язык, отчасти латышский с его диалектической мягкостью, в еще меньшей степени эстонский с ревельской «полу-мягкостью», а на северной окраине тихоокеанского союза таково большинство японских наречий и гиляцкий язык.

Любопытно, что славянским языкам сочетание мягкостной корреляции согласных с политонией совершенно чуждо, и в тех случаях, когда в славянских языках такое сочетание возникало, принимались все меры к его устранению (см. Якобсон б 51, 59). Таким образом для славянского языка сохранение мягкостной корреляции равнозначно принятию евразийского комплекса фонологических признаков.

Специального изучения заслуживают фонологические особенности языков, смежных с евразийским миром. Нередко в районах, примыкающих к границе распространения мягкостной корреляции согласных, бытуют, в качестве дизъюнктивных фонем, среднеязычные шумные согласные, однородные по способу производства с наличными согласными близкого ряда. Значительна зона этого явления в юго-восточной Европе: чешский, словацкий и мадярский (среднеязычные согласные, соответствующие переднеязычным *m, d*), сербо-хорватский (среднеязычные, соответствующие переднеязычным *ч, дж*), албанский с диалектически различными среднеязычными согласными (см. Вейганд а 10), сюда же относится часть западно-болгарских и румынских говоров, лишенных мягкостной корреляции согласных.

7.

ИЗ ИСТОРИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА.—

Мы охарактеризовали фонологические признаки, объединяющие языки Евразии, в статическом разрезе, но этим проблема не исчерпывается. У евразийского языкового союза есть своя история и в частности своя историческая фонология. Границы, да

и самые признаки языкового союза, меняются подобно границам и характерным признакам отдельного языка. У нас есть материалы по истории славянских, романских, финноугорских, тюркских и монгольских языков. Конкретный вопрос: как и когда, в какой связи те из этих языков, которые связаны с евразийской территорией, усвоили или развили или сохранили различие согласных по мягкости и твердости? В работе «О фонологической эволюции русского языка в сопоставлении с прочими славянскими языками» я попытался определить основные типы эволюции славянских языков и тенденции, лежащие в основе каждого из этих типов (б). Теперь евразийский тип славянской языковой эволюции надо сопоставить с эволюцией неславянских языков Евразии (не только результаты, а именно ход эволюции!). И наконец, как мы уже отмечали выше, показания сравнительно-исторической фонологии подлежат сравнению с историей миграции языков. Не познав языкового союза в его становлении, нельзя по-настоящему охватить его сущность, уяснить связь языковой среды с территорией. Мы рассмотрели ряд однородных явлений: прикрепленные к Евразии отпрыски нескольких языковых семейств наделены парностью согласных по мягкости и твердости, а внеевразийские ответвления тех же семейств — нет. Следовательно, существует процесс превращения языка в евразийский, процесс евразийского протекания языковой эволюции. А если этот процесс существует, то должна быть дана его синтетическая характеристика.

Судьба внеевразийских представителей этих языковых семейств показывает, как приобщаются языки к месторазвитиям, соседним с Евразией. Очень нагляден процесс европеизации. В этом отношении поучительна история западных аванпостов славянского языкового мира. Эпоха распада праславянского языка (X-XII век) радикально преобразовала фонологический состав всех славянских наречий. Общеславянская мягкостная корреляция слогов подлежала замещению. Восточному варианту славянской эволюции — развитию самостоятельной мягкостной корреляции согласных — на Западе противостояла тенденция к упразднению тембровых различий согласных. На фонологических распутьях чешский язык избирал тот путь, который находил себе параллель в немецком (см. Якобсон б 55). История чешской фонологической эволюции от эпохи распада праславянского языка до конца чешского средневековья (начало XV в.) это по существу история всемерного искоренения различия согласных по мягкости и твердости. Ян Гус был свидетелем изживания последних остатков этого различия. Он отстаивает самобытную старину, он патетически

заявляет, что «заслуживают бичевания те пражане и прочие чехи, которые говорят наполовину по-чешски, наполовину по-немецки» и устраняют различие между *li* — *ly*, подставляя вместо твердого *l* нейтральное, т. н. *европейское l*, и вместо *y* — *i*.³⁴⁾ Тщетно было возмущение Гуса, — чехи, говорившие *more Teutonicorum*, одержали верх.³⁵⁾ Лужицкие языки и кашубский после распада праславянского языка пытались утвердить мягкостную корреляцию согласных³⁶⁾, но в дальнейшем ходе эволюции этих языков мягкостная корреляция была упразднена. Вкрапленный в немецкую языковую среду полабский язык, напротив, последовательно провел тембровое различие согласных, уделяя ему существенную грамматическую роль. К началу XVIII в. он располагал 14-ью парами согласных фонем, противопоставленных по мягкости и твердости (см. Трубецкой *г* 131, 161). Не мягкостная корреляция, а ее носитель — полабский язык подлежал в этом случае упразднению. Язык, осужденный на гибель, нередко позволяет себе рискованные фонологические эксперименты, которые недоступны языку, рассчитанному на широкую экспансию.

Если в трактовке истории фонологического противопоставления мягких и твердых согласных мы выйдем за пределы отдельного языка или языкового семейства, то отчетливо обнаружится, что языковый союз — явление, не менее текучее по очертаниям и внутреннему строю, нежели, примерно, государство.

Алфавит древнейших тюркских памятников — орхонских надписей, вырезанных на камнях в VII-VIII в., применялся тюрками уже в VI веке нашей эры. Этот алфавит тщательно передает парность согласных по мягкости и твердости: согласные *г, к, д, т, с, р, л, н, б* в мягких слогах изображаются при помощи одних, в твердых — при помощи иных букв.³⁷⁾

34) Мягкое *ly* было в чешском языке уже раньше заменено европейским *l*.

35) Различие согласных по мягкости и твердости настолько чуждо ныне чешскому языковому мышлению, что основоположник чешской исторической грамматики Ян Гебауер не заметил влияния этого различия на одно из основных древне-чешских звуковых изменений — т. н. «перегласовку», и нужен был лингвист с русскими языковыми навыками — А. А. Шахматов, чтобы исправить это упущение (а).

36) Между прочим, они частично унифицировали пары разнотембровых гласных (ср. стр. 32-33).

37) Любопытно, что западные ученые усматривают в этой парности согласных букв исключительно обозначение тембра соседних гласных, и напр. датский языковед В. Томсен пишет, что «собственный звук согласного несомненно был в большинстве случаев совершенно одинаков» (17). Для обозначения темномягких и темнотвердых гласных в алфавите орхонских надписей были

Есть далее основание предполагать, что уже пратюркский язык, мало того — уже родоначальник языкового семейства, условно окрещенного алтайским (ср. примеч. 2), — т. н. пра-алтайский язык — характеризовался слоговым сингармонизмом.

Сопоставляя показания исторической фонологии языков, окаймляющих алтайский языковой мир, мы обнаруживаем, что в разное время эти языки проходили через стадию фонологического притяжения к алтайскому лингвистическому ядру. Так наречия финноугорской ветви усваивали — одни в большей, другие в меньшей степени, — сингармонизм (Синней 41-44). Праславянский язык, уже вполне обособившись от прочих членов индоевропейского семейства, но еще не подвергшись диалектическому членению (см. Трубецкой *жс* 218 и сл.), последовательно провел униформацию слога. Шаг за шагом устанавливалась гармония фонем внутри слога: язык противопоставил друг другу два стандартных типа слогов — слоги мягкие и твердые (Якобсон *б* 20 и сл.). Южные соседи алтайских языков непосредственно развили самостоятельную мягкостную корреляцию согласных. Засвидетельствована последовательно проведенная парность согласных по мягкости и твердости в китайском языке VII в. по Р. Х. (Карлгрен гл. 2). Временно проникла эта корреляция и в индоиранскую группу. По крайней мере в древне-индийском языке Трубецкой вскрывает наличие парных по мягкости и твердости согласных *т* и *д*, *т* и *д* придыхательных, *н* и *с*.

Если ныне зона монотонии шире зоны фонологической мягкости согласных, и именно мягкость является характернейшим компонентом евразийского сочетания фонологических признаков, то первоначально, обратно, зона мягкостной корреляции была шире, а зона монотонии уже, — в то время именно монотония была основным компонентом евразийской фонологии. В дальнейшем зона мягкости согласных суживается, постепенно намечаются черты и пределы современного евразийского языкового союза. В средне-индийском языке уже нет мягкостной корреляции; китайский утратил ее на рубеже минувшего и истекающего тысячелетия; тогда же началось упразднение тембровых различий согласных на юго-западной окраине сла-

различные буквы. Только светломягкие и светлотвердые гласные обозначались одинаковыми буквами. Для письменной передачи этого различия понадобились бы еще всего две гласных буквы; невозможно предполагать, чтобы вместо этого простого приема было введено для обозначения двух мягких гласных такое ужасающее множество дополнительных согласных букв. Российские лингвисты справедливо учли, что алфавит орхонских надписей отражает слоговой сингармонизм.

вянского мира: сперва в сербо-хорватском и словенском, далее в западно-болгарском, в чешском и словацком (Якобсон б 36-37, 51-57). У нас нет данных, которые позволяли бы датировать стандартизацию единого нейтрального тембра согласных в западных языках финноугорского семейства и в османско-турецком. Сужение зоны фонологической мягкости согласных сопровождается другим явлением, своего рода реакцией против первого: как западные, так и восточные аванпосты евразийского языкового мира повысили роль противопоставления согласных по мягкости и твердости, — в течение первых веков нынешнего тысячелетия они ввели взамен мягкостной корреляции слогов самостоятельную мягкостную корреляцию согласных. Новые границы фонологического союза были, таким образом, закреплены.

Несколько дат: в монгольских наречиях фонологические явления, породившие самостоятельное тембровое противопоставление согласных, относятся приблизительно к XIII—XIV вв. (Владимирцов 184, 241, Поппе 109). Западный сектор этой фонологической «засечной черты» Евразии создан несколько ранее. В польском (Розвадовский 340-341) и восточно-болгарском (см. напр. Щепкин 86 и сл.) самостоятельная мягкостная корреляция согласных возникла в течение XI века, для русского языка эпоха великих потрясений и реформ, завершившаяся повсеместным установлением новой корреляции, падает на XII-XIII века (Трубецкой е 294 и сл.). Согласно гипотезе Бубриха, мордовский язык уже в XI веке располагал самостоятельной мягкостью согласных, а карельский усвоил и развил эту корреляцию на протяжении первой половины текущего тысячелетия.

Однородное явление, повидимому, пережили и тюркские наречия западной Евразии, а именно часть кипчак-половецкой диалектической группы. По мнению Радлова, половецкий язык долгое время продолжал бытовать в Крыму, — караимы, эмигрировавшие из Крыма на северо-запад, принесли с собой половецкий диалект и сохранили его до наших дней. Ковальский вескими сопоставлениями обосновал тезис о тесной родственной связи западно-караимского с древне-половецким (стр. L и сл.). Западно-караимский язык является единственным живым отпрыском кипчак-половецкой группы тюркских языков. Эмиграцию караимов с северного черноморского побережья Ковальский приурочивает к XIV веку (стр. XVII). К тому же веку относится, по его мнению, и переселение в Польшу армян, говоривших на кипчакском диалекте, очень близком к караимскому. Сохранились памятники этого ныне вымершего диалекта, написанные в XVI-XVII вв. армянским

алфавитом. Ковальский обнаружил разительные сходства между армяно-кипчакским и караимским, свидетельствующие о генетической близости обоих диалектов. Путем сопоставления этих диалектов он открыл важный факт: армяно-кипчакский совершенно теми же методами, что и диалект северо-западных караимов, преобразовал мягкостную корреляцию слогов. Ковальский не исключает возможности, что в диалекте северо-западных караимов это преобразование обусловлено белорусским влиянием (XLVII). При таком допущении пришлось бы и армяно-кипчакское преобразование полного сингармонизма в гармонию согласных объяснить славянским влиянием. Это означало бы, что два диалекта пережили независимо друг от друга и в то же время до подробностей схоже один и тот же сложный процесс, притом процесс, не находящий себе параллели ни в одном другом тюркском диалекте, хотя многие тюркские диалекты подвергались русскому влиянию. Яркое сходство унаследованного инвентаря сочеталось бы с удивительным сходством благоприобретенного. Не проще ли отнести и мягкостную корреляцию согласных, характеризующую оба диалекта, к разряду унаследованного? Правда, памятник половецкой речи XIII-XIV в. — Codex Cumanicus не заключает как-будто указаний на такого рода явление, но между армяно-кипчакским и северо-западным караимским с одной стороны и языком кодекса с другой стороны при всей близости есть и диалектические расхождения, а вопрос о территориальной принадлежности кипчак-половецких говоров, нашедших себе отражение в кодексе, поныне остается открытым (ср. Банг). В контексте той фонологической эволюции, которую в начале нынешнего тысячелетия переживали славянские и финские языки западной Евразии, очень правдоподобна тенденция диалектов кипчак-половецкой группы к преобразованию слогового сингармонизма в гармонию согласных.

На славянской территории преобразование мягкостной корреляции слогов в соответствующую корреляцию согласных распространялось в направлении с юго-запада на северо-восток. Говоры, к которым восходит современный великорусский язык, усвоили новую корреляцию на несколько десятилетий позднее говоров, давших начало языку украинскому. Южные говоры решали вставшие перед ними кардинальные фонологические задачи самостоятельно, наощупь, без готовой модели. Отсюда борьба противоречивых фонологических тенденций, отсюда неизбежные колебания и осложнения. Эти внутренние фонологические конфликты не могли не наложить отпечатка на звуковой строй украинского языка. В северной зоне русского языкового мира возможные конфликты были заблаговременно предупреждены. Говоры этой зоны воспроизвели

ужные решения фонологических задач еще до постановки самих задач. Это обеспечивало безболезненную перестройку фонологии (Якобсон б 63-67, 79).

В итоге великорусская мягкостная корреляция согласных — стандартный тип. Она планомерно использована в интересах дифференциации словесных значений — как словарных, так и грамматических. Она осуществляется в широком масштабе почти перед всеми гласными и в конце слова. В состав этой корреляции, наряду с зубными, входят и губные согласные. Великорусская фонологическая мягкость согласных достигается исключительно дополнительной артикуляционной работой, — следовательно среднеязычные согласные в роли фонологически мягких здесь не выступают, и твердым зубным противопоставлены мягкие зубные. Вообще различия согласных по мягкости и твердости четко отграничены от различий по месту артикуляции. Кроме того, тембровые различия согласных резко отмежеваны от тембровых различий гласных: согласные фонологически противопоставлены по мягкости и твердости, гласные по светлости и темности. Тенденции, характеризующие евразийский языковый союз, нашли себе в великорусском фонологическом строе наиболее законченное выражение. Неслучайно именно великорусская фонология легла в основу русского литературного языка, т. е. языка с обще-евразийской культурной миссией.

8.

МЯГКОСТЬ СОГЛАСНЫХ В ЕВРОПЕЙСКОЙ НАУКЕ И ПИСЬМЕ. — Западные учебники грамматики русского языка исстари спотыкались о трудность втолковать европейцам глубоко чуждое им фонологическое противопоставление мягких и твердых согласных. Европейские фонетики, а *вслед за ними* и русские, зачастую смешивали разнородные понятия: мягкость с палатализацией, палатализацию с палатальностью (ср. стр. 21-22), фонетическую мягкость с фонологической. По существу, мягкость согласных была впервые научно охарактеризована в начале нынешнего столетия в работах русского языковеда А. Томсона (б и пр.). Но еще в 1927 г. тот же ученый отмечает, что в европейской специальной литературе (напр. в новом издании I т. Сравнительной славянской грамматики Вондрака) попрежнему господствует недостаточное понимание вопроса, и это побудило Томсона резюмировать по-немецки свои заключения об этом круге явлений (а).

Когда представители языков, лишенных фонологической мягкости согласных, описывают языки, наделенные этой кате-

горией, они нередко деформируют материал, привнося в него чуждые языковые навыки. Так немецкий кавказовед А. Дирр не замечает мягких согласных в абхазском языке, и только российские исследователи (Марр, Яковлев б) избежали этого упущения. Существенные фонологические недочеты в интерпретации восточно-финских языков со стороны финляндских ученых были вскрыты и исправлены русскими и туземными работниками (см. Бубрих а). Характерно, что в большинстве случаев русская лингвистическая литература первоначально без проверки перенимала и повторяла такого рода ошибки западных ученых. Так, например, было воспринято традиционное учение европейской тюркологии о «гармонии гласных», которое, как мы видели, по отношению к целому ряду тюркских языков Евразии неприменимо, потому что в этих языках гармония гласных — лишь составная часть более сложного фонологического явления — «слогового сингармонизма». Главным образом работы туземных тюркских наблюдателей привели к радикальному пересмотру этих основ тюркской фонологии. Татарский лингвист Шараф, подвергший в упомянутом выше исследовании подробному анализу парность татарских согласных по мягкости и твердости, ссылается в частности на наблюдения Ш. Ахмерова, Алпарова и Валидова в области татарского и на работы выдающегося казакского писателя и языковеда Ахмеда Байтурсунова по казак-киргизскому языку. Очень любопытен экскурс Поливанова «Об обозначении японских палатализованных согласных в русской практической транскрипции» (а 169 и сл.). Парность согласных по мягкости и твердости в японском языке очень схожа с соответствующей русской корреляцией. Эдвардс упустил из виду наличие в японском этой корреляции и трактует японский мягкий согласный как сочетание согласного с *j*. Соответственно с такою ложной интерпретацией построена и европейская транскрипция японских слов. Курьезно, что русская практическая транскрипция представляла собою слепое подражание европейской. Европейская транскрипция *rua* передавалась русскими через *ниа* или *ниа*, тогда как простейшим и точнейшим способом воспроизвести японский слог было бы русское *ня*.³⁸⁾ Именно на последнем принципе построена принятая ныне русскими японоведами транскрипция Поливанова. Кружный путь к японскому языку через Европу был заменен кратчайшим. Аналогичен процесс в отношении к языкам национальных меньшинств Евразии.

Поливановская транскрипция японской речи поучительна и с другой точки зрения. Она лишней раз иллюстрирует высо-

38) Следуя европейской транскрипции, у нас продолжают писать *Kioto* вм. *Kĕto* и т. п.

кую пригодность русской кириллицы, по сравнению с латиницей, для письменной передачи языка, наделенного самостоятельным противопоставлением согласных по мягкости и твердости. Недаром, наряду с русскими племенами, этим алфавитом доселе пользовались восточно-финские племена, а также молдаване и русские цыгане.³⁹⁾ Очень интересен опыт Н. Ф. Яковлева вывести формулу построения наиболее экономного в отношении числа букв алфавита (δ). Автор устанавливает, что в деле передачи различия согласных по мягкости и твердости русский алфавит всецело соответствует формуле, т. е. достигает максимальной экономии, обозначая мягкость согласных посредством добавочных букв для последующих гласных фонем (*я, ъ, ю, и*), а мягкость согласных в положении их не перед гласными посредством дополнительной буквы *ь*. Яковлев доказывает далее, что эта система письма наиболее удобна и выгодна и в применении к сходной фонологии восточно-финских языков. Он предлагает использовать принципы этого письма и для горских языков Кавказа, обладающих одной или двумя тембровыми корреляциями согласных.

Разбор попыток латинизации белорусского письма может послужить ясной иллюстрацией неэкономности латиницы для языка с самостоятельной мягкостью согласных. Если, примерно, переписать кириллицей первые страницы напечатанной латинским алфавитом белорусской книжки — *Wlast, Karotkaja historiguja Biełarusi* (Вильна 1910) — и сопоставить оба варианта, то окажется, что один только отказ от русской системы «добавочных» гласных букв увеличивает латинизованный текст, по сравнению с текстом, написанным *кириллицей*, приблизительно на 7,5%. Иными словами, к каждой сотне страниц текста те белорусы, которые облюбовали латинское письмо, присовокупляют семь с половиной страниц праздно израсходованной бумаги, набора, типографской краски, — бесцельное транжирство в угоду западничеству, даже поддающееся статистическому учету. Как ни преобразовывать правописание, все же с переходом русских или, примерно, восточно-финских языков на латинский алфавит неразрывно связаны прибавочные расходы. Мало того, латинская передача мягкости согласных грешит отсутствием единства принципа, что особенно вредно сказывается при обучении грамоте. В русском письме фонологическая мягкость согласного во всех случаях символизуется последующей буквой (*зь, зя, зѣ, зю, зи*), а в латинизованном белорусском тексте применяется для обозначения мягкости четыре совершен-

39) Русским алфавитом напечатан и сборник стихотворений караимского поэта О. А. Кобецкого «Ирлар» (Киев 1904) — единственная светская книга на западно-караимском языке.

но разных приема: 1. Мягкое и твердое *л* передаются двумя различными буквами: *l* = *л* мягкое, *ł* = *л* твердое. 2. Мягкость прочих согласных в положении не перед гласными обозначается специальным надстрочным знаком, напр. *kniaz'*, *Rus'*, *dzien'*. 3. Различие всех согласных, кроме *л*, по твердости и мягкости перед фонемой *и* передается посредством двух разных букв для фонемы *и*: *у* после твердых, *і* после мягких (в соответствии с русским обозначением). Примеры: *kniazi*, *dni*. 4. Мягкость тех же согласных перед остальными гласными изображается путем вставки той же буквы *і* между согласной и гласной: *kniazia*, *kniaziu*, *kniaziom*. Такая пестрота, весьма нерациональная, может быть в большей или меньшей степени устранена, если обобщить передачу мягкости согласных путем надстрочных знаков, но в этом случае понадобилось бы много типографских сочетаний согласных букв с надстрочными значками, а главное — строки буквально кишели бы этими неудобными, замедляющими письмо привесками. Попытки натянуть латинский алфавит на фонологию евразийских языков либо повторяет историю Тришкина кафтана,⁴⁰⁾ либо этот алфавит приходится перекраивать настолько радикально, что от него остаются воистину рожки да ножки, и лозунг латинизации становится пустым словом.

9.

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ. — Все вышеизложенное — только *набросок*, только предварительный план работы. Очередное задание — исследовать в подробностях и картографировать фонологическое использование тембровых различий согласных в языках Евразии и сопредельных областей. При этом должны быть учтены следующие вопросы:

1. Проявляется ли в данном языке тембровая корреляция в виде противопоставления согласных с пониженным собственным шумом (темных) и нормальных (светлых), или же в виде противопоставления нормальных согласных (твердых) и согласных с повышенным собственным шумом (мягких либо «эмфатически-мягких»), или наконец в языке сочетаются обе корреляции, и противопоставлены темнотвердые — светлотвердые — светломягкие?

40) Ссылка на длительное применение латинского письма к отдельным языкам такого склада недоказательна: мало ли существует дурных, незаслуживающих подражания исторических примеров? Возможность использования того или иного алфавита для данного языка подлежит анализу под углом зрения внутренней целесообразности.

2. Противопоставлены ли согласные одного тембра согласным другого тембра самостоятельно или только в сочетании с противопоставлением двух категорий смежных гласных, так что носителями корреляции являются собственно не отдельные фонемы, а слоги?

3. Сколько в данном языке взаимно противопоставленных по тембру, т. е. парных согласных фонем, и сколько одиноких согласных фонем, т. е. не участвующих в тембровых корреляциях?

4. Насколько значительно в данном языке артикуляционное и соответственно акустическое различие между согласными одного тембра и коррелятивными согласными другого тембра?⁴¹⁾ Если в данном языке согласные парны по мягкости и твердости, то какие согласные являются мягкими коррелатами переднеязычных и кончиковых (апикальных) согласных — среднеязычные или же палатализованные переднеязычные и палатализованные кончиковые?

5. Как велика в данном языке арена применения тембровой корреляции, т. е. в скольких и каких именно категориях фонемосочетаний могут согласные противопоставляться по тембру? — Так, например, в великорусском тембр согласных внешне обусловлен (т. е. мягкостная корреляция не осуществляется) перед нижеследующими фонемами того же слова: перед *е*, перед безударным *а*, если оно не принадлежит окончанию, и в большинстве сочетаний с согласными.

6. Как часто фактически фигурирует в речи каждая из коррелятивных по тембру фонем, и как велика в данном языке функциональная нагрузка тембровой корреляции, т. е. в какой степени использовано противопоставление по тембру для различения: 1. словарных значений (пример: *быт* — *бит*) и 2. грамматических значений (пример: *бит* — *бить*)?

7. В какой степени пользуется данный язык противопоставлением согласных по тембру для грамматических чередований (альтернатив)? Пример: *нес-у*, *несь-от* (несет), *несь-ом* (несем), *нес-ом*.

Ответ на эти вопросы позволит установить степень применения той или иной тембровой корреляции в различных языках и говорах и выяснить основной очаг или основные очаги этой корреляции в евразийских языках. Мы убеждены, что картографирование этих данных снова обнаружит симметричность

41) В этом отношении очень любопытно сравнение палатограмм татарских и русских согласных — мягких и твердых, сделанное Шарафом. Поучительные палатограммы для сопоставления имеются, например, в работах Богородицкого (великорусские палатограммы), Синявского (украинские), Бенни (польские) и Младенова (болгарские).

и зональный принцип в распределении фонологических особенностей. Далее необходимо будет перейти в сравнительном обследовании евразийских языков от учета корреляций к прочим проблемам фонологической структуры, например, определить сравнительную распространенность различных типов систем гласных как в пределах Евразии, так и вне ее. Весьма вероятно, что сопоставление языков Евразии и сопредельных географических миров в свете этих, а затем морфологических и синтаксических проблем, обогатит новыми признаками и уточнит понятие евразийского языкового союза.*) Вся эта

Корр. прим.

*) Уже во время печатания статьи нам стали известны те важные выводы, к которым пришел Н. С. Трубецкой в области изучения географического распространения склонения. «Склонение вообще явление сравнительно редкое, и большинству языков земного шара неизвестное. Географическая зона склонения довольно ограничена. Она охватывает всю Евразию и выходит несколько и за ее пределы. На востоке сюда примыкает язык эскимосский и, видимо, кое-какие языки северо-канадских индейцев, на западе сюда входят почти все славянские (за исключением болгарского), балтийские, суомы, лопарский и венгерский; далее в очень ослабленном виде склонение имеется и в немецком и голландском, — но дальше, в романских языках, а также в английском и датском его уже нет. В Африке и в Азии склонения нет. При этом граница проходит между османским и арабским, армянским и курдским, азербайджанским и персидским, каракиргизским (а также узбекским) и иранскими языками, далее между монгольским и тибетско-китайскими языками. Всего сильнее развито склонение в языках угрофинских (напр. в венгерском 21 падеж) и восточнокавказских языках (до 30 и более падежей), на втором месте — языки самоедские и алтайские (тюркские, монгольские и тунгусско-маньчжурские), на третьем — славянские вместе с литовским и латышским. Из славянских языков наиболее сильно развит склонение язык великорусский (ср. такие падежные различия, как «станан чаю — вкус чая», «говорю о лесе — живу в лесу»), достигший в этом отношении уровня тюркских языков; в болгарском склонение у существительных исчезло вовсе, у местоимений сохранилось в ничтожном размере (совсем так же и в других языках балканского союза), в сербском языке склонение ущедрлено (в ед. ч. стерта разница между дат. и предложн. пад., во множ. ч. — разница между дат. и творит.); в прочих же славянских языках (в польск., чешск., словацк., лужицк., словенск., украинск. и белорусск.) склонение более развито, чем в сербском, но менее, чем в русском (великорусском). — Сопоставление рассмотренных выше фонологических явлений с морфологическими наблюдениями Н. С. Трубецкого позволяет формулировать следующие положения: 1) в пределах основного материка Старого Света существуют, с одной стороны, специфические центровые, с другой — специфические периферийные явления; 2) всем языкам Евразии свойственны центровые явления (тембровые различия согласных, монотония, формы склонения); 3) центровые явления неизвестны никаким внеевразийским языкам, кроме промежуточной, соседящей с Евразией языковой

работа, разумеется, требует тесного сотрудничества специалистов по различным отраслям языковедения — по славистике, тюркологии, финноугорскому языковедению, кавказоведению и т. д. В полной мере она может быть осуществлена только по ознакомлению с обильными материалами по евразийским языкам, собранными за последние годы, — материалами, из которых пока обнародована, к сожалению, лишь сравнительно небольшая доля. ⁴²⁾

Роман Яacobson

полосы; 4) периферийные явления особенно резко характеризуют всю зону романогерманской Европы и весь юг и юго-восток Азии.

42) Разнообразные материалы, собранные за последнее время по финским, тюркским, монгольским, кавказским и пр. языкам Евразии, еще ждут своего опубликования. Но и из того, что напечатано, многое отсутствует в европейских книгохранилищах. Даже настоящий фрагментарный этюд не мог бы быть написан, если бы не богатое собрание русских книг и журналов в Славянской библиотеке Министерства иностранных дел ЧСР и если бы не любезное содействие директора этой библиотеки В. Н. Тукалевского. Приношу ему, а равно и всем тем, кто пришел мне на помощь советами, указаниями, библиографическими справками, выражение глубокой признательности.

УКАЗАТЕЛЬ УПОМИНАЕМЫХ И ЦИТИРУЕМЫХ
РАБОТ⁴³⁾

(Имена расположены согласно порядку букв современного русского алфавита)

- Actes du Premier Congrès International de Linguistes, 1928.
Алькор, Я. П. (Кошкин): Проект алфавита эвенкийского (тунгусского) языка. — Материалы комиссии по изучению Якутской автономной сов. соц. республики, XXXIII. Л. 1930.
Bang, W.: Beiträge zur Kritik des Codex Cumanicus. — Bulletin de la Classe des Lettres de l'Académie 2. de Belgique, 1911 № 1. Стр. 13-40.

Баранников, О. П.: Про діалект циган Артемівської округи. — Науковий збірник Ленінградського товариства дослідників укр. іст., письменства та мови, I. К. 1928, 53-61.

Баушев, В. Н.: Синтаксический строй вотской речи и генезис частиц союзного порядка. М.-Л. 1929.

Беске, Ö.: Cseremisiz nyelvtan. Pest 1911.

Benni, T.: Metoda palatograficzna w stosowaniu do spółgłosek polskich. Warszawa 1917.

Богоразь, В. Г.: а) Областной словарь Колымского русского нарѣчія. — Сборникъ отд. русс. яз. и слов. И. Ак. Н., LXVIII, No 4.

Богоразь, В. Г.: б) Образцы матеріаловъ по изученію чукотского языка и фольклора. — Изв. И. Ак. Н., X, No 3, 1899.

Богородицкій, В. А.: Опытъ физиологии общерусского произношенія въ связи съ экспериментально-фонетическими данными. Казань 1909.

Baudouin de Courtenay, J.: а) Zarys historii języka polskiego. Warszawa. S. 2.

Baudouin de Courtenay, J.: б) Zur Frage über die «Weichheit» und «Härte» der Sprachlaute im allgemeinen und im sla-

43) М — Москва, П — Петроград, Л — Ленинград, К — Киев.

vischen Sprachgebiete insbesondere. — Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. Berlin 1908, 583-590.

Broch, O.: а) Die Dialekte des südlichsten Serbiens. Wien 1903.

Брохъ, О.: б) Очеркъ физиологии славянской рѣчи. СПб. 1910.

Broch, O.: в) Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn. Kristiania 1897.

Бубрихъ, Д. В.: а) Краткий отчет о лингвистической экспедиции к мордве летом 1927 г. — Доклады АН СССР, No 10, 1927, 205-209.

Бубрихъ, Д. В.: б) О взаимоотношениях русского и финских языков. — I-er congrès des philologues slaves à Prague 1929. Resumés. Section II-ème.

Weigand, G.: а) Albanesische Grammatik im südgehischen Dialekt. Leipzig 1913.

Weigand, G.: б) Linguistischer Atlas des Dacoromänischen Sprachgebietes. Leipzig 1909.

Wichmann, Y.: Tscheremissische Texte. Hels. 1923.

Владимирцовъ, Б. Я.: Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л. 1929.

Vondrák, W.: Vergleichende slavische Grammatik, I. Göttingen 1924.

Георгиевский, А. П.: Русские говоры Приморья. — Труды Гос. Дальневосточного Университета, сер. III, No 7. 1928.

Gerullis, G.: Litauische Dialektstudien. Leipzig 1930.

Dirr, A.: Einführung in das Studium d. kaukasischen Sprachen. Leipzig 1928.

Дурново, Н. Н., Соколовъ, Н. Н., и Ушаковъ, Д. Н.: Очеркъ русской диалектологии. М. 1915.

Евсевьевъ, М.: Основы мордовской грамматики. М. 1928.

Егоровъ, В. Г.: Введение в изучение чувашского языка. М. 1930.

Емельяновъ, А. И.: Грамматика вотяцкого языка. Л. 1927.

Зеленинъ, Д. К.: Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии, I. Л. 1929 (отд. оттиск из Сборника Музея Антропологии и Этнографии, VIII).

Зілинський, Ів.: Проба упорядковання українських говорів. — Записки Наукового Товариства імени Шевченка, СХVII-СХVIII, 333-375.

Юхельсонъ, В. И.: Образцы матеріаловъ по изученію юкагирскаго языка и фольклора. — Изв. И. Ак. Н., IX, No 2, 1898.

Караджичъ, Вук: Српски рјечник. Београд 1898.

- Karlgren, B.: Études sur la phonologie chinoise. Stockholm 1915.
- Castrén, A.: a) Grammatik der samojedischen Sprachen. SPb. 1854.
- Castrén, A.: б) Versuch einer ostjakischen Sprachenlehre. SPb. 1849.
- Kettunen, L.: Untersuchung über die livische Sprache. — Eesti Vabariigi Tartu ülikooli Tormetused. Acta et commentationes Universitatis Dorpatensis, B. VIII-3, 1926.
- Kowalski, T.: Karaimische Texte im Dialekt von Troki. Kraków 1929.
- Kock, A.: Die alt- und neuschwedische Akzentierung. — Quellen u. Forschungen zur Sprach- u. Kulturgeschichte der germanischen Völker, LXXXVII, 1901.
- Kopernicki, I.: Textes tsiganes. — Matériaux pour servir à l'étude de la langue des tsiganes polonais, I, Kraków 1925.
- Котвич, В. Л.: Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Ржевнице у Праги 1929.
- Кошутичъ, Рад.: Грамматика рускаго языка. П. 1919.
- Курило, О.: Дещо до молдованської діалектології та фольклористики. — Збірник заходознавства, II, 215-222.
- Kurschat, F.: Grammatik der litauischen Sprache. Halle 1876.
- Lagercrantz, E.: a) Strukturtypen und Gestaltwechsel im Lappischen. — Mémoires de la Soc. finno-ougr. LVII, 1928.
- Langercrantz, E.: б) Sprachlehre des Westlappischen. — Mémoires de la Soc. finno-ougr. LV, 1926.
- Lagercrantz, E.: в) Sprachlehre des Südlappischen nach der Mundart von Wefsen. Kristiania 1923.
- Laziczius, Gy.: Egy magyar mássalhangzóváltozás phonológiája. — Magyar nyelv XXVI, 1930.
- Ларин, Б. А.: Материалы по литовской диалектологии. — Язык и литература, I, 93-170.
- Lewy, E.: Tscheremissische Grammatik. Leipzig 1922.
- Lehr-Spławiński, T.: Dzieje języków literackich słowiańskich. — Lwowska Biblioteka sławistyczna, IX. Lwów 1929, 161-199.
- Leskien, A., und Brugman, K.: Litauische Volkslieder und Märchen aus dem Preussischen und dem Russischen Litauen. Strassburg 1882.
- Lehtisalo T.: Über den vokalismus der ersten silbe im juraksamojedischen. — Mémoires de la Soc. finno-ougr., LVI. 1927.
- Lorentz, F.: a) Geschichte der pomoranischen (kaschubischen) Sprache. Berlin u. Leipzig 1925, 72-85.

- Lorentz, F.: б) Slovinzische Grammatik. SPb. 1903.
 Lorentz, F.: в) Slovinzisches Wörterbuch, I. SPb. 1908.
 Лыткинъ, Г. С.: Зырянскій край при епископахъ пермскихъ и зырянскій языкъ. СПб. 1889.
 Мapp, Н. Я.: Абхазскій аналитическій алфавит. Л. 1926.
 Meillet, A.: N. S. Trubeckoj. — K probleme rusckowo samopoznanija. — Bulletin de la Société linguistique de Paris, No 84. Стр. 51.
 Miletić, Lj.: Das Ostbulgarische. Wien 1903.
 Младеновъ, С.: Мекостъта на съгласнитъ въ българскитъ говори. — Годишникъ на Софийския Университетъ, X-XI, 1915.
 Mostaert, A.: Le Dialecte des Mongols Urdus (Sud). — Anthropos, XXI-XXII.
 Мошковъ, В.: Нарѣчя бессарабскихъ гагаузовъ. — Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ, X. СПб. 1904.
 Nitsch, K.: Dyalekty języka polskiego. — Język polski i jego historia z uwzględnieniem innych języków na ziemiach polskich. Cz. 2, 238-466.
 Raasonen, H.: Tatarische Lieder. — Journal de la Société finno-ougrienne, XIX-2.
 Погодиный, А. Л.: Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельныхъ стран. 15. Финно-угорскій Сборник. — Slavia, VIII. 161-166.
 Поливанов, Е. Д.: а) Введение в языковедение для востоковедныхъ вузов. Л. 1928.
 Поливанов, Е. Д.: б) Вокализм сев.-вост. японскихъ говоров. — Доклады Российской Академии Наук (В), 1924, 105-108.
 Поливанов, Е. Д.: в) Образцы не-иранизованных (сингармонистическихъ) говоровъ узбекскаго языка. Изв. Ак. Наук СССР, VII серия, 1929, 511-537.
 Поппе, Н. Н.: Дагурское наречие. — Академия Наук СССР. Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Тану-тувинской народныхъ республик и бурятско-монгольской АССР, в. 6. Л. 1930.
 Porzig, W.: Die Aufgaben der indogermanischen Syntax. — Festschrift für Streitberg. 1924.
 Radloff, W.: Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus. — Mémoires de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Petersbourg, VII serie, t. XXXV, No 6, 1887.
 Ramstedt, G. J.: Bergtscheremissische Studien. Helsingfors 1902.
 Rozwadowski, J.: Historyczna fonetyka czyli głosownia języka polskiego. — Język polski i jego historia z uwzględnieniem innych języków na ziemiach polskich. Cz. 1. 289-422.

Савицкий, П. Н.: а) Географические особенности России, I. Прага 1927.

Савицкий, П. Н.: б) Европа и Евразия. — Русская Мысль. Софія 1921, янв.-февр., 119-138.

Savickij, P. N.: в) Les problèmes de la géographie linguistique du point de vue du géographe (Travaux du Cercle linguistique de Prague, I. 1929. 145-156).

Савицкий, П. Н.: г) О задачах кочевниковедения. — Н. П. Толль: Скифы и гунны. Прага 1928, 83-106.

Самойлович, А.: Некоторые дополнения к классификации турецких языков. П. 1922.

Святополк-Мирский, Д. П.: Национальности СССР. — Газ. Евразия, 1929, No 23.

Seliščev, A.: а) Des traits linguistiques communs aux langues balcaniques. — Revue des études slaves, V, 38-57.

Селищевъ, А. М.: б) Діалектичеській очеркъ Сибири. Иркутскъ 1921.

Селищев, А. М.: в) Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис. — Ученые записки Института яз. и лит., I. М. 1927, 36-72.

Селищев, А. М.: г) Русский язык у инородцев Поволжья. — Slavia, IV. 26-43.

Сергиевский, М. В.: а) Из области языка русских цыган. — Ученые записки Института языка и литературы, III. М. 1929.

Сергиевский, М. В.: б) Материалы для изучения живых молдавских говоров на территории СССР. — Ученые записки Института яз. и лит., I. М. 1927, 73-97.

Szinnyei, J.: Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Berlin und Leipzig 1922.

Синявський, О.: Спроба звукової характеристики літературної мови. — Наукові записки Харк. Наук.-Дослідн. Катедри Мовознавства. II. 5-33.

Sommerfelt, A.: а) Munster vowels and consonants. — Proceedings of the Royal Irish Academy, XXXVII, sect. C, 195-244.

Sommerfelt, A.: б) The dialect of Torr Co. Donegal. Christiania 1922.

Tesnière, L.: L'Accent slovène et le timbre des voyelles. — Revue des études slaves, IX, 89-118.

Thomsen, V.: Inscriptions de l'Orkhon. Helsingfors 1894.

Thomson, A.: а) Die Erweichung und Erhärtung der Labiale im Ukrainischen. — Записки іст.-філ. відділу Укр. Ак. Н., XIII-XIV, 1927, 253-263.

Томсонъ А.: б) Общее языковѣдніе. Одесса 1906.

Тредьяковскій, В. К.: Разговоръ между чужестраннымъ

человѣкомъ і російськимъ объ ортографіі старинной і новой і о всемъ что прінадлежить къ сей матеріі. — Сочиненія Тредьяковскаго, III. СПб. 1849.

Трубецкой, кн. Н. С.: а) Вавилонская башня и смѣшеніе языковъ. — Евразійскій временникъ, III. Берлинъ 1923, 107-124.

Трубецкой, кн. Н. С.: б) К проблеме русского самопознания. Сборникъ статей. 1927.

Troubetzkoy, prince N.: в) Langues caucasiques septentrionales. — Les langues du monde, sous la direction de A. Meillet et M. Cohen. Paris 1924, 327-342.

Trubetzkoy, N.: г) Polabische Studien. Wien 1929.

Trubetzkoy, N.: д) Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme. — Travaux du Cercle linguistique de Prague, I, 39-67.

Trubetzkoy, Fürst N.: е) Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit. — Zeitschrift für slavische Philologie, I, 287-319.

Troubetzkoy, N.: ж) Essai sur la chronologie de certains faits phonétiques du slave commun. — Revue des études slaves, II, 1922, 217-234.

Фортунатовъ, Ф. Ф. : Объ удареніи и долготѣ въ балтійскихъ языкахъ, I. — Русскій Филологическій Вѣстникъ, XXXIII, 252-297.

Шараф, Г.: Палятограммы звуковъ татарскаго языка сравнительно с русскимъ. — Вестникъ Научнаго Общества Татароведенія, No 7. Казань 1927, 65-102.

Шахматовъ, А. А.: а) Historická mluvnice jazyka českého. Napsal Jan Gebauer. Критическій отзывъ. — Отчетъ о присужденіи премій проф. Котляревскаго въ 1898 г.

Шахматовъ, А. А.: б) Мордовскій этнографическій сборникъ. СПб. 1910.

Schmidt, P. W.: Die Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde. Heidelberg 1926.

Штернберг, Л. Я.: Образцы матеріаловъ по изученію гильяцкаго языка и фольклора. — Изв. И. Ак. Н., XIII, 1900, 387-434.

Stieber, Z.: Ze studjów nad gwarami słowackimi południowego Spisza. — Lud Słowiański, I, 1929, A 61-138.

Щепкинъ, В. Н.: Болонская псалтырь. СПб. 1906.

Щерба, Л. В.: Восточно-лужицкое нарѣчіе. П. 1915.

Edwards, E. R.: Étude phonétique de la langue japonaise. Thèse. Leipzig 1912.

Endzelin, J.: а) Des intonations lettonnes. — Revue des études slaves, II, 56-68.

- Endzelin, J.: б) Lettische Grammatik. Heidelberg 1923.
Яковсон, Р. О.: а) О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским. Берлин 1923.
Jakobson, R.: б) Remarques sur l'évolution phonologique du russe. — Travaux du Cercle linguistique de Prague, II. 1929.
Jakovlev, N.: а) Kurze Übersicht über die tscherkessischen (adygheischen) Dialekte und Sprachen. — Caucasicum VI, Teil I, 1-19.
Яковлев, Н. Ф.: б) Математическая формула построения алфавита. — Культура и письменность Востока, I. М. 1928, 41-64.
Яковлев, Н. Ф.: в) Таблицы фонетики кабардинского языка. М. 1923.
-

Дополнение к стр. 34-35.

Настоящая работа была уже сверстана, когда я получил книгу Н. Н. Поппе «Аларский говор», ч. I, Л. 1930. Эта работа, а также книга А. Д. Руднева «Хори-бурятский говор» (Вып. I, П. 1913-1914), которую цитирует Поппе (в пражских библиотеках ее нет), дают обстоятельное описание мягкостной корреляции согласных в бурятском наречии монгольской группы. Поппе, между прочим, пишет: «Палатализация играет в бурятском наречии и во всех его говорах, в том числе и в аларском, большую роль. Палатализованные и непалатализованные согласные, как правильно отмечает Руднев (§15), являются фонемами». Поппе приводит бурятские примеры словоразличительной роли, которую играют противопоставления мягких согласных твердым (§22), и перечисляет согласные фонемы, парные по мягкости и твердости: в, х, г, т, д, с, з, ш, ж, л, р, н, п, б, м (§25).

Р. Яковсон

